

3608 Рос 4/4 1-45
ОКТАБРЬ 1925 ГОДА.

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧИХ
— ДЕЛО САМИХ РАБОЧИХ!

OCTOBER, 1925

PRICE 15C

RUSSIAN MONTHLY OF THE INDUSTRIAL WORKERS OF THE WORLD

Содержание

Форма и принципы организации пролетариата	3 стр.
Рассказ о трех городах	5 „
Значение классовой борьбы	8 „
О классовом характере анархизма	12 „
Индустриальные Рабочие Мира и Международное Товарищество Рабочих	15 „

Стихи:

Предание	17 „
Мой путь	17 „

Исторический отдел:

Позиции анархистов в русской революции	18 „

Некролог:

Памяти В. Н. Черкезова	23 „

Хроника международного рабочего движения:

По поводу марсельского с'езда Социалистического Интернационала	24 „
Италия. — Конференция С. С. И.	26 „
Португалия. — Четвертый с'езд В. Р. С.	26 „
Голландия и нефтяная политика	27 „
Япония	28 „

Жизнь организации И. Р. М.:

Депортация 127-ми	28 „
Набег на помещение моряков	29 „
Освобожден и снова арестован	29 „
Светлые пятна на темном горизонте	29 „

Россия:

Тюрьма и ссылка	30 „

Отклики:

По поводу литературных перлов «бабки» Махно	31 „

Среди книг:

«За проволочными заграждениями и решетками» — Р. Роккера; «Либеря Лабористо»	32 „

A 3608
Рос 4-4
1-445

Голос Труженника

GOLOS TRUZENIKA

[THE TOILER'S VOICE]

Published Monthly by the General Executive Board of the Industrial Workers of the World.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год — \$1.50; на шесть месяцев — 80 центов.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР — 15 СЕНТОВ.

SUBSCRIPTION RATES: \$1.50 per year; 80 c. per six months.

SINGLE COPY — 15 CENTS.

АДРЕС:

Golos Truzenika, 3333 Belmont Ave., Chicago, Ill.

VOL. VII. No. 12.

OCTOBER, 1925.

PRICE 15C

48-1231

Форма и принципы организации пролетариата

Мы находим, что централизация производства, управление которыми сосредоточивается в руках все меньшего и меньшего количества лиц, делает труд-юнионы неспособными бороться с постоянно растущей силой хозяев.
(Программа И. Р. М.)

Современное общество, как мы выяснили, делится на два основных, враждебных друг другу класса. Так что с этой точки зрения оно представляет собою поле ожесточенной борьбы, которая не прекращается ни на один день. Если мы об этой борьбе не кричим, если мы часто даже не замечаем ее и если мы больше волнуемся, кричим и протестуем против войны двух народов, то это происходит по двум причинам. Классовая война происходит каждый день, она стала «нормальным» явлением нашей жизни, мы свыклись с ней, как свыкаются с хронической болезнью, и мы не замечаем и проходим мимо, как не замечаем и проходим мимо нашей повседневной обстановки. Ведь, это факт, то, с чем мы сталкиваемся ежедневно, мы меньше всего знаем и меньше всего на него обращаем внимание. Редкий человек сможет описать, например, обстановку своего жилища во всех подробностях. Война же двух народов это — нарушение привычной обстановки, в которой протекает наша жизнь, поэтому мы на нее и обращаем больше внимания, ибо она сама бросается в глаза. И мы все тогда говорим об армии, ее организации, снабжении, технике, о возможных победах и поражениях.

О войне же классов, к сожалению, говорят и думают очень немногие и еще меньше думают о классовой армии, о ее вооружении, организации, технике, победах и поражениях. А ведь эти армии имеются. Их техника и организация улучшаются с каждым годом.

О классовой войне думать нужно, интересовать ей следует каждому пролетарию и пролетарке, ибо потери от этой войны со стороны трудовой армии огромны. Если сложить вместе все смерти и увечья, происходящие на фабриках, заводах и коях всего мира, если к этому прибавить убийства и ранения рабочих полицией и войсками при стачках и беспорядках, то получится солидная цифра потерь, не уступающая потерям «хорошей» войны. Но здесь характерно то обстоятельство, что потери людьми несет только армия трудящихся. Над этим фактом стоит задуматься. Каждый рабочий должен задуматься до причин, порождающих такой печальный факт, и, отыскав их, начать энергичную борьбу за их устранение.

Давайте подумаем об этих причинах и о том, как и чем их устранить.

Мы видим, что капитализм в настоящее время имеет огромную силу, его армия могуча и штаб его прекрасно организован. Время индивидуальной конкуренции между капиталистами прошло. Они объединились в могучие организации — тресты, синдикаты, картели — устраняют конкуренцию, становятся владыками на международном рынке; им теперь не приходится заискивать перед аристократическими правительствами, потому что их почти нигде нет; теперь они сами правят непосредственно или через своих доверенных и слуг из мелкой буржуазии, части интеллигенции и несознательной части рабочих и крестьян. В их распоряжении все. То правительство, кото-

рое вздумало бы пойти против них, не сможет продержаться и одного дня. Тот из капиталистов, который бы вздумал пойти против интересов своего класса, будет разорен в один день. Такой же участи подвергнется и тот, который пойдет на уступки пролетариату против воли синдиката, треста, картели. Эту силу капиталистам дает сознание общности их интересов в эксплуатации пролетариата, сознание великой опасности, таящейся для них в пролетариате. И они объединяются. И объединяются не по цехам, а по индустриям и даже объединяют родственные, тесно связанные между собою индустрии. И если иногда интерес наживы вносит в их ряды некоторую дезорганизацию и даже вражду, то эта дезорганизация и эта вражда сразу отходят на задний план, когда им угрожает опасность со стороны их исторического врага — пролетариата. В капиталистической армии нет изменников, предателей и не-сознательных солдат.

А что мы видим среди пролетариата?

Численно огромный, во много раз превосходящий капиталистический класс, он почти во столько же раз уступает ему в силе, организованности, сознании своих классовых интересов и своей исторической миссии. Класс в высшей степени полезный, на котором держится вся культура и вся наша цивилизация, класс, призванный историей начать новую эру, эру разума и сердца, науки и техники, и этот класс до сих пор находится в распылении, во власти и эксплуатации самого вредного, самого подлого, самого низкого класса, класса создавшего эру железа, крови и горького хлеба.

Какая этому причина? Почему такое огромное большинство должно строить свою жизнь не по своей воле, а по воле ничтожного меньшинства, лишенного сердца и всех тех качеств, которые отличают человека от животного, от хищного зверя? Здесь не одна причина, а цепь причин, создающая замкнутый круг, который во что бы то ни стало нужно разбить. Причина этому **распыленность, неорганизованность**. Причина распыленности лежит в отсутствии сознания своих классовых интересов, своей исторической миссии, а причина этому — невежество, темнота, которые лежат в капитализме. Значит причина всех причин ужасного, подчиненного положения пролетариата — капитализм; от него все зло, от него все худые качества; но сам капитализм силен невежеством, которое питает несознательность, порождающую распыленность огромных, могучих сил. Это и есть заколдованный круг, из которого, как будто, нет выхода.

Но было бы большой ошибкой, великим преступлением перед человечеством думать, что, в самом деле, из этого круга нет выхода, что пролетариат должен вертеться в нем, как белка в колесе. Выход, конечно, есть и этот выход, в результате исторического опыта, который никогда не пропадает, нащупывается самим пролетариатом, наиболее передовой и революционной его частью, его авангардом — индустриалистами и анархо-синдикалистами. Именно, эта передовая часть пролетариата обладает пониманием развития исторического процесса. Она знает, что всякому историческому моменту свойственны соответствующие формы организации. Она знает, что гильдии и рабочие братства были хороши для средних веков, и что они не пригодны сейчас; она знает, что организации взаимопомощи и кассы сопротивления могли иметь смысл в первый период развития капитализма, и что цеховая организация рабочих вполне соответствовала состоянию промышленности, когда капитализм еще не вырос в империализм; она, в отличие, например, от Американской Федерации Труда, великолепно понимает, что в эпоху развитого империализма, когда капиталисты объединяются в могучие индустриальные организации, рабочие должны отбросить цеховщину и организоваться на принципе производственного, индустриального объединения. В самом деле, что может дать рабочим, организованным по цехам, стачка? Ничего, абсолютно ничего, кроме вреда. Когда на заводе бастует какой-нибудь цех, а все остальные продолжают работу, то этим капиталисту не наносится **почти** никакого вреда, ущерба и ему очень легко справиться с такой забастовкой заменой бастующих штрейкбрехерами, стачколомами. Иное дело, когда рабочие организованы индустриально, когда стачка сразу разливается на всем заводе или во всей индустрии и здесь капиталистам наносится огромной силы удар. Кроме того, цеховые союзы, как явление отсталости, как пережитки прошлого, по самому своему существу, не в состоянии проникнуться мыслей солидарности интересов всего международного пролетариата, идей всестороннего и конечного освобождения; прекрасной иллюстрацией этого положения опять-таки может служить Американская Федерация Труда, которая, в силу особых политических условий, продолжает держать в своих мертвящих тисках огромную массу пролетариев, вносящая им преступный принцип тождественности интересов классов, доводя его до практического осуществления в форме

общего союза капиталистов и рабочих.

Вот почему программа И. Р. М. утверждает, что

Тред-юнионы создают такое положение дел, при котором в одной и той же промышленности одна категория рабочих может быть противопоставлена другой, способствуя этим самым обоюдному поражению в борьбе против класса хозяев. Сверх того, тред-юнионы помогают классу хозяев вводить рабочих в заблуждение, припеваю им ложное мнение, что рабочий класс имеет общие интересы с предпринимателями.

Поэтому вполне понятно почему передовые элементы пролетариата, искренне-преданные делу всестороннего и конечного освобождения современных рабов от гнета и ужасов капитализма, пришли к тому правильному заключению, что при современном состоянии промышленности и при современной форме организации капиталистической армии, представляющей огромную силу,

Это печальное положение дел может быть изменено и интересы рабочих могут быть защищены только организацией построенной таким образом, что все ее члены в какой либо одной отрасли промышленности,

или во всех отраслях, если это необходимо, прекращают работу всякий раз, когда стачка или локаут возникают в какой либо части промышленности, признавая, таким образом, страдание одного — страданием всех.

Итак, подобно капиталистам, пролетариям также необходимо следовать требованию времени и состоянию промышленности. Если капиталисты совершенствуют свою армию, то рабочие должны делать тоже самое. Нужно, как капиталисты, постоянно думать о своей армии, о правильной ее организации, о ее технике и пр.; нужно думать о ее качественном и количественном росте, нужно ее подготовить к ожесточенным битвам, из которых она должна выйти победоносной. А эти битвы не за горами, их час приближается. И если мы свою армию организуем индустриально, то, кроме побед, мы будем иметь возможность сразу пустить в ход производство, отобранное нами у капиталистов.

Индустриальная форма организации рабочих — требование современности.

РАССКАЗ О ТРЕХ ГОРОДАХ

НЬЮ-ИОРК.

Удивительный Нью-Йорк. Второй по величине город в мире; богатейший город мира; самый прекрасный город мира, город, вместивший в себя больше бедности, преступности, проституции, пороков, вырождения и бессердечной эксплуатации, чем все другие города мира. Нью-Йорк — венец капиталистической цивилизации.

В конце Центрального Парка находится величайший музей в мире; ниже, на берегу залива, на том же острове Мангэттан, стоит также самый большой мавзолей в мире. В музее мы видим большую коллекцию египетских древностей; древние фигуры, высеченные из камня, саркофаги, мумии, которым 4.000 лет или больше. На Волл стрите и нижней части Бродвея наблюдатель вспоминает, что мир меняется постоянно, но очень медленно.

Совершите прогулки по финансовому району Нью-Йорка в воскресное утро, посетите Волл стрит, Бродвей, Баулинг Грин и пройдитесь по Ферри Стэйшюн и Баттери Плэйс, откуда можно видеть Статую Свободы; вспомните картину древнего Египта, виденную вами в музее и потом сделайте необходимые сравнения. Разве обе эти картины не похожи одна на другую до мельчайших подробностей? Разумеется, эта новая, Нью-Йорк наших дней; она еще

не совсем закончена, но это — только дело времени. Очертания ее, однако вполне определены и поэтому этого сходства не может не подметить только слепой.

На самом Бродвее стоит пирамида. Она поставлена в честь величайшего эксплуататора наших дней, короля Вулворта. Он считается величайшим, потому что он первый доказал, что пирамиды таких гигантских размеров могут быть созданы исключительно руками женщин и детей без помощи мужского труда. Стоит там также Эквитабл Билдинг; величайшее здание в мире, хотя и не самое высокое; в нем тысячи контор, в которых трудятся каждый день не менее 60.000 человек и ни один из них не выполняет общественно полезного труда. Это здание представляет собою огромный улей, в котором живут трутни, паразиты, где большие паразиты эксплуатируют маленьких, а эти последние в свою очередь высасывают кровь из тружеников. Сфинкс, в этом современном каменном оазисе, назван «Зингер». С высоты этого последнего здания сфинкс взирает на мир и видит, как миллионы мужчин и женщин были «сфинксированы» в убийственном процессе швейных машин.

В нижней части Волл стрит мы находим одного из величайших капиталистических фараонов, старающегося всеми мерами усо-

вершенствовать величайший мавзолей всех веков. Он уже изготовил себе саркофаг; большой каменный гроб, с выложенными из камня стенками толщиной в несколько футов и с толстыми решетками в отверстиях. Сотни рабов трудятся в стенах этого каменного гроба каждый день, а другие миллионы людей работают вне гроба, подготавливая не одну, а много «умных пирамид из камня и стали, которые будут напоминать грядущим поколениям на сходство между людьми и кораллами постольку, поскольку и те и другие работают для того, чтобы, в конце концов, превратиться в камень. Монументы Моргана будут из века в век напоминать грядущим поколениям о проклятиях капитализма и о безумии нашего века. При той быстроте, с какой воздвигаются пирамиды Моргана, мы скоро увидим, как этот последний из капиталистических фараонов будет положен в свой гроб, откуда он уже не встанет.

Вдали, в заливе, стоит статуя Свободы, гордо возносящаяся всему миру, что здесь вы найдете неограниченную свободу эксплуатации людей, что она ничем не ограничена в превращении любого количества человеческого мяса и крови в пирамиды для своего личного возвеличения и прославления; что вам не поставлено никаких препятствий в эксплуатации. Вы, как эксплуататор, можете пользоваться всеми свободами — величайшими свободами в мире.

Таким образом, шесть миллионов мужчин и женщин в Нью-Йорке, подобно египетским рабам 4.000 лет тому назад, день и ночь заняты собиранием гор камня, для возведения этих каменных монументов. И точно также, как древние египтяне не оставили после себя ничего, кроме разве нескольких каменных пирамид, доказывающих безумие их века, современное капиталистическое безумие на острове Мангэттан не оставит после себя ничего, кроме плит камня, обломков гранита и цемента.

В тысяче футов от саркофага Моргана, в том же районе на Брод стрит, мы найдем другой тип людей, израильтян нашего века, не желающих превратиться в камень и стремящихся использовать жизнь во всю. Они — сыны моря, бунтари, чьи требования к жизни ставят их в постоянное противоречие со строителями пирамид. Эти бунтари строят другие монументы в честь жизни, а не смерти; монументы в форме сильной и здоровой человеческой расы, которая посвящает себя искусству полной и хорошей жизни, а не возвеличению мертвых. На могучих океанах они ведут жизненные битвы. Обливаясь потом в кочегарках, в то время, как фараоны и лентяи лежат в своих каютах, они совершенствуют свой ин-

струмент борьбы — индустриальный юнион, при помощи которого все чудеса и все величие мира уже будут одинаково доступны для всех. Когда этот день наступит, каменный век уже отойдет в прошлое, что-бы никогда не возвращаться.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

«Город братской любви». Разумеется «братской». Первый и единственный город, где полицейские носят свои револьверы и пули совершенно открытыми. Похоже на братскую любовь? Не так-ли?

Этот город имеет большую историю. Фактически вся история Соединенных Штатов исходит из Филадельфии. Там стоит здание Независимости с его колоколом свободы, с большим колоколом, который, в конце концов, дал трещину, и мы теперь не имеем ничего, кроме «надтреснутых» свобод. Во всяком случае, колокол напоминает нам о дне, когда все это случилось, и, таким образом, мы знаем день, когда умерла госпожа Свобода.

В здании Независимости мы находим, должным образом вставленную в раму и украшенную национальным флагом, Декларацию Независимости. «Конгресс не имеет права проводить законов, которые бы ограничивали свободу слова» — такова одна из заповедей. Что может быть более логичным, чем право этого города, единственного в своем роде, где человек должен известить начальника полиции и получить от него писанное разрешение, если он хочет устроить митинг даже в своем собственном помещении? Другие города довольствуются меньшим и нарушают конституцию только в отношении открытых митингов на улицах и в парках, но Филадельфия этим не довольствуется. Она напоминает нам царскую Россию; разрешение на устройство митинга, присутствие сыщиков на митингах; запрещение говорить то, что не нравится сыщикам и т. д.

В здании Независимости имеется также небольшая коллекция предметов искусства, такая же бедная, как и представление города о свободе слова. В этой коллекции имеется не меньше дюжины портретов Вашингтона и такое же число портретов Линкольна; несколько предметов из эпохи буржуазной революции, которые составляют компанию с надтреснутым колоколом Свободы.

Америка, однако, не усвоила искусства канонизирования, не знает, как делать национальных святых, хотя она и знает в совершенстве, как делать коммерческих святых.

Каждый переулок в Филадельфии считается «историческим». Медные пластинки

с именами и доски имеются всюду. Ни до чего нельзя прикоснуться, так как все имеет «историческую» ценность. В результате имеется много переулков и закоулков, которые не подметались со времени революционной войны и только потому, что даже сама пыль имеет историческую ценность. В этом городе дети рабочих пользуются счастливой жизнью и дышат пылью американской истории.

Поскольку историчен город, постольку историчны и условия, в которых живут и трудятся рабочие. Часы труда в фабриках Филадельфии остались такими же продолжительными, какими они были и во времена Франклина; такими же отсталыми являются санитарные условия, а также и покупательная способность рабочих заработков.

Так как квартирная плата и стоимость жизни были модернизированы, то старым ученикам Франклина приходится очень трудно, когда они пытаются следовать его совету в смысле сбережения на черный день. Банки, однако, проповедуют его идею во всю, какую бы пользу это не приносило, — для самих банков, конечно.

Рабочие в гавани, которые когда то были хорошо организованы и в результате модернизированы, вновь вступают в ряды своей организации с тем, чтобы сразу переступить в условия труда 20-го века. Они уже не хотят дольше жить в условиях революционной эпохи, в условиях духовного и физического рабства. Но, не считая рабочих в гавани, другие рабочие не делают ничего, чтобы вырваться из условий 18-го века. Долгие часы, плохо оплачиваемый труд, грязь и нищета, давно отжившие свой век традиции — свобод и достатка, а также тирания и голодание — вот что составляет большую часть жизни двух миллионов рабочих в Филадельфии и ее окрестностях.

БОСТОН.

Американский центр учености. Обилие университетов, институтов, колледжей, профессоров, философов и других ученых людей. Традиции свободы недавней истории заставили некоторых из жителей устроить митинг протеста против начальника полиции, который хотел пойти по стопам Филадельфии в смысле цензуры. Недавно, после того, как начальник полиции воспретил прочитать лекцию на тему о контроле над деторождением, здесь был устроен большой митинг протеста против него. Начальник полиции должен был, в конце концов, согласиться на разрешение такой «неморальной» и «развращающей» лекции.

Главная индустрия Бостона — умножение потомства. Детей здесь не столько воспитывают, сколько производят. В каждом

переулке можно видеть сотни ребят, ползающих в грязи. Департамент санитарии в Бостоне, если в городе вообще имеется такой департамент, смешал, очевидно, понятие контроля над деторождением с контролем над грязью. И то и другое считается в городе, очевидно, греховным, так как ни то ни другое контролю не подчинено. Вся грязь сваливается в переулки, а если отбросы не сваливаются, то вонючие бочки с отбросами стоят целыми днями до тех пор, пока какой-либо чистильщик улиц не придет и не вываливает все содержимое на улицу. Чистильщик должен подбирать отбросы на свой фургон, но, как правило, он набирает целый воз на расстоянии первых 20 футов, а поэтому все, что не вмещается на воз, вываливается из бочек и вновь попадает на улицу. В результате, в городе кучи отбросов, биллионы мух и всяких насекомых.

На рабочие организации в этом городе, также как в Нью-Йорке или Филадельфии, смотрят искоса. В этом отношении три города походят друг на друга. Среди рабочих много философских разговоров, но толку мало. Единственные рабочие, стремящиеся улучшить свое положение, это рабочие морского транспорта. Во всех других индустриях среди рабочих можно встретить только апатию и отчаяние.

Политика и политики убили в рабочих всю инициативу и всю энергию, когда-то проявлявшиеся рабочими этой части страны. Политикан, подобно прокаженному, убивает и заражает все, до чего он затрагивается. Каждый раз, когда рабочие на фабрике начинают организовываться, подумывать об организации или же просто хотят приступить к действиям, к ним является политикан со своим советом и предложением: «Дайте мне сделать это; я знаю как». При разговорах, относительно интернационалов, не имеющих никакого отношения к рабочим, рабочие сидят и ждут, когда придет интернационал и сделает все за них.

Всюду, однако, наблюдается стремление к организации. Организацию здесь можно создать и она была бы уже создана, если бы философы и политики не убеждали рабочих в том, что кто-то придет к ним и сделает за них все. Теперь рабочие ждут, когда к ним придет индустриальный юнионизм и освободит их. Они всегда ждут кого-то, кто-бы освободил их. Наша борьба в восточной части Соединенных Штатов, в действительных индустриальных центрах, должна быть направлена не столько против хозяев — мы всегда должны вести борьбу против них и знаем как, и настолько против апатичных масс, мы имеем их

всюду и они всегда следуют за толпой — сколько против политиканов, так называемых, революционных политиканов. Для них интеллигентный и активный рабочий класс равносильен яду; такой рабочий класс оставит их на мели и им не останется ничего другого делать, как только самим взяться за полезный труд. Такой класс лишит их «лидерства», так как массы станут своими собственными лидерами.

Главная задача, возложенная на нас, — это дать понять рабочим массам истинное значение И. Р. М.; указать им на необходимость действовать по своей собственной инициативе и не ждать какой либо партии, которая придет и все сделает за них. Нам нужно восстановить среди рабочих, если это действительно можно сделать, уверенность в самих себе. Если нам это удастся сделать, битва будет выиграна. Чтобы сделать это, мы должны вступить в конфликт с политиканами всех оттенков. Должны ли мы вступить в борьбу с ними, или же должны подпасть под их «революционное» влияние, как это мы делали в прошлом? Моя поездка по восточной части страны убедила меня вполне какую дорогу мы должны избрать.

Но мы знаем, что многие из этих политиканов честны и откровенны в своих убеждениях. Это то и есть самое трудное. Если бы они не были таковыми, они не вели бы такой ожесточенной борьбы за свои

теории. Старая женщина, тащившая дрова к костру, на котором горел Гусс, была также честной, но это не меняет сути дела. И только благодаря своей честности и убежденности, инквизиторы стали жесточайшими людьми. Тоже самое происходит и теперь. Только потому, что политикан честен, он привлекает большее число людей на свою сторону и тем самым обманывает большее число рабочих. Только потому, что он сам заблуждается, он становится более полезным для тех, кто извлекает из этого выгоды. В нашей работе мы должны отказаться от всякой сентиментальности и от всяких снисхождений к отдельным лицам, будут ли они честными или нет в своих верованиях, и энергично распространять нашу пропаганду.

Индустриальный юнионизм идет вразрез с политическими действиями и со всеми политическими деяниями, предпринимаемыми различными политическими партиями, каковы бы не были их названия или стремления. Чем скорее мы поймем это и будем действовать соответствующим образом, тем больший успех мы будем иметь в нашей работе. Внедрить в умы рабочих сознание, что они способны сами себя организовать и освободить, такова заповедь И. Р. М. Будем же неуклонно выполнять нашу жизненную миссию и тогда нам нечего будет бояться за исход борьбы.

Велиндер.

ЗНАЧЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Меня просили написать несколько слов о значении классовой борьбы*). Я готов удовлетворить это желание, охотно воспользуюсь предоставленным мне случаем побеседовать немного с теми товарищами из анархического и общесоциалистического движения, которые считают нужным, по разным мотивам (побуждениям), отвергать классовую борьбу.

Отрицательное отношение к классовой борьбе имеет своим оправданием, большей частью, мотивы моральные: анархизм, мол, и социализм не являются исключительной собственностью определенного класса. Некоторые идут даже несколько дальше и утверждают, что наша защита идеи классовой борьбы является еще пережитком старых марксистских идей, которые они, дескать, стоя на более высокой ступени развития, давно уже, слава те, господи, пре-

одолели. По этой причине среди этих кругов запрещается говорить о классовой борьбе. Они охотней беседуют о борьбе за «моральные ценности», о «культурной борьбе» и тому подобных материях.

Но все эти философические и глубокомысленные разговоры не могут все же уничтожить факта существования классовой борьбы. Можно к этому факту разное относиться, но обойти его нельзя. Тут уже бессильны всякие физики и метафизики. Классовая борьба это — живая действительность, а не отвлеченная идеология, созданная в тиши научных кабинетов.

Общество, построенное на принципе частной собственности и на эксплуатации широких масс, лишено всякого внутреннего единства и распадается, вследствие своего же построения, на различные классы с различными интересами, которые объединить невозможно. И так как люди являются лишь живыми носителями этих интересов, то эти интересы неизбежно сталкиваются с противоположными интересами, в

*) Эта статья написана Рудольфом Роккером, главным секретарем М. Т. Р., специально для „Голоса Труженика“.

сущности, являющимися интересами класса, к которому они принадлежат. Таким образом, неизбежным следствием данного устройства общества является взаимная классовая борьба, принимающая в различные времена различные формы, но устранить которую никакая болтовня не способна.

При том совершенно безразлично каким названием этот факт окрестить. Можно, например, как это делал Бакунин, вместо термина (названия) «классовая борьба» употреблять термин «массовой борьбы». Но сущность вопроса от этого ни на йоту не меняется. Бакунин под названием «массы» понимал, в первую голову, трудящиеся классы общества и он точно также понимал борьбу их против частной собственности и государства, как мы их и ныне понимаем. Классовая борьба — это название, мне кажется, более четко и выразительно — является, таким образом, фактом, с которым наши эстеты (поклонники прекрасного) должны примириться, как бы не возмущалось их чувство красоты. Уж против фактов, как они не неприятны порой, никакими философиями ничего не поделаешь. Факт — предмет упрямый: хоть десять раз в дверь его выталкивай — в окно постучится.

Те люди, которые утешаются тем, что открыли невиданную доселе премудрость, когда они откидывают с отвращением термин классовой борьбы и разговоры ведут с особо-глубокомысленным видом о «культурной борьбе», эти люди лишь весьма забавны в своих потугах замазывать достаточно ясные предметы. Суть же дела от этого ничуть не меняется.

В самом деле, что такое культурная борьба? — Все и ничего. Даже Бисмарк уже прибегал к этому выражению, когда он, по некоторым соображениям, пошел в поход против католической церкви и, заметим кстати, потерпел поражение.

Что, вообще, понимают под понятием «культура»? На это имеется громадное множество определений, которые даже в своих основных предпосылках диаметрально противоположны. Если взять понятие «культура» в его широчайшем и глубочайшем смысле, то она означает собою некое естественное единство всех физических и духовных сил людей в рамках определенного общественного периода, в котором все проявления общественной жизни направляются в творческом стремлении к какому-то общему центру и оттуда текут обратно, подобно кровообращению. Если с этой точки зрения рассматривать переживаемый нами период с его глубокими классовыми разделениями и общественными противоп-

речиями, тогда, вообще, не может сейчас и речи быть о культурном периоде, а лишь, самое большее, о периоде цивилизации, в котором чудеснейшие технические успехи совмещаются с порабощением личности и с разрушением общества.

Если принимать за исходную точку вышеозначенное определение понятия культуры, тогда является классовая борьба угнетенных и эксплуатируемых масс культурным движением в высшем смысле этого слова, ибо она стремится к общественному единству культурных сил. Это же единство достигнет высшей точки своего развития при уничтожении классов и частной собственности и в обобществлении всех материальных и духовных завоеваний. Мы видим, таким образом, что искусственно созданное противоречие между классовой и культурной борьбой является бессмысленной выдумкой людей, которые охотно жонглируют словами, но никогда не дают себе труда вникнуть в сущность обсуждаемого вопроса.

Одним из главных козырей противников классовой борьбы в социалистическом движении является ссылка на законы морали, которые, по их мнению, в классовой борьбе неминуемо должны потерпеть поражение, т. к. там, где идет речь о защите экономических интересов, нет места для принципа нравственности.

Такое понимание вещей является бестолковым утверждением людей, которые ни малейшего представления не имеют о ежедневной борьбе рабочего класса. И классовая борьба имеет свою нравственность, притом нравственность весьма здоровую, которая, конечно, ничего общего не имеет с подслащенными изделиями платонических улучшателей мира и профессиональных остроумцев.

Каждая настоящая этика (нравственность) коренится в чувстве общности. Чем глубже развито в человеке его чувство общности, тем выше его этическое ощущение. Там же, где общность разбита или, вообще, уничтожена, там обращается всякая система этики в бессмысленную фразу, в пустую болтовню. Разве, так называемая, христианская нравственность католического общества не является убедительнейшим доказательством этого факта? Какое душу возвышающее зрелище: богатые фабриканты военных снаряжений, единственной профессией которых является подготовка к массовой бойне, жертвующие щедро на постройку церквей! Или вот эти представители христианской церкви, благословляющие пушки и, коли потребуется, проповедующие любовь к ближнему. Вот здесь то создано, — благодаря экономическим про-

тиворечиям общества, — такое положение, при котором всякий живой принцип нравственности превращен в отвратительную фразу и все искусство «избранных представителей» религиозной морали исчерпывается лукавым изложением традиционных слов.

«Высокочитимый батюшка» — вопрошает крестьянин попа — «разве убийство человека-брата из-за различия убеждений не бесчеловечно?» «Сын мой» — отвечает поп — «законы божеские выше законов человеческих; в священном писании сказано: «и Каин убил своего брата Авеля» и еще сказано: «пойди туда и поступи таким же образом!».

Классовая борьба пролетариата вытекает из классовой общности и имеет своим естественным основанием солидарность (взаимопомощь) товарищей по судьбе. Взаимопомощь же сама по себе уже является источником нравственного принципа. Разве восстание поработанных масс против многовековой несправедливости не является нравственным фактором? Разве оно не вытекает из чувства общественной справедливости, которая является важнейшей составной частью каждой настоящей нравственности? Даже в основе какой-нибудь незначительной и мелкой борьбы за улучшение условий заработной платы лежат не только экономические интересы, но и нравственные. Или разве не глубоко-этична упорная пропаганда, которая будит совесть единичного рабочего, чтоб он вступился за товарищей и был бы солидарен с ними в борьбе?

А разве забастовка солидарности, когда целые категории (круги) рабочих вступают в борьбу, чтоб помочь братьям по классу какой-нибудь индустрии (производства), — разве такие забастовки не являются проявлением высокого нравственного принципа, ценность которого выше всех нравственных слащавостей эстетиков и морального похмелья деклассированных элементов?

Без определенных нравственных принципов, вытекающих из чувства общности, угнетенные массы были бы вообще лишены возможности ведения классовой борьбы. Речь, конечно, дело, идет о нравственности, рожденной в борьбе и в муках. Корни этой нравственности таятся в чувстве классовой общности. Кровь, слезы, надежды и общность мировоззрения являются цементом этой нравственности, цементом несравненно более крепким, чем поверхностные речи и напыщенные проповеди попов от этики.

Что же касается того мнения, что наша защита классовой борьбы объясняется тем

фактом, что мы еще мыслим по старой марксистской указке, то это утверждение не менее безосновательно и бессмысленно, чем прочие возражения, выдвигаемые против нас. Мы не марксисты, потому что мы не согласны с некоторыми основными идеями учения Маркса. Но было бы неоспоримым идиотством нежелание признать, что Маркс (частью — самостоятельно, частью благодаря своим предшественникам) развил целый ряд мыслей, с которыми и мы согласны и ценность которых для мира идей социализма велика. Впрочем, точно таково же наше отношение к большинству остальных мыслителей социализма. Тот, кто способен отвернуться от какой-нибудь мысли **лишь потому**, что она высказана человеком, которого, в других отношениях, мы вынуждены считать нашим противником, тот простой фанатик, который, вообще, никакой пользы не может принести свободническому движению. Не в том суть, **кто** развил какую-нибудь идею, а лишь в том, **вытекает ли эта идея из данных и опытов практической жизни и подтверждается ли она ими.**

Впрочем, вся предпосылка неверна, ибо Маркс вовсе не является первым, кто понял значение классовых стычек в истории и выступал в их защиту. Мысль эта вполне была отчеканена уже тогда, когда Маркс находился еще в лагере буржуазной демократии. Фактически неоспоримо, что, как только социализм занял место в среде зарождавшегося рабочего движения, большинство его теоретиков поняло значение классовой борьбы и обосновало ее. Сами факты жизни заставляли их придти к этому сознанию. Разве это сознание не выражается с классической ясностью, когда Прудон — еще до Маркса — говорит: «Война собственников против не-собственников составляет все содержание мировой истории!»? Такие же мысли мы находим в изобилии в работах старых социалистов и предшественников Маркса и Энгельса, например, у Луи Блана, Консидерана, Бланки, Вейлингга, Грюна, Гесса, Марра и многих других.

Пока социализм существовал лишь в мозгах одиночек-мыслителей и их немногочисленных учеников, еще можно было поддаться несбыточным мечтаньям о том, что для осуществления новых идей необходимо привлечь на их сторону представителей имущих классов. В этом направлении работал Сэн-Симон и вся его школа. Под влиянием этой же иллюзии Фурье обращался с ходатайствами к Полиньяку, Людовику Филиппу и к Папе римскому, и ждал в течение десяти лет, что, во-во, явится богач, который даст ему необходимый миллион франков, с помощью которых он сумеет на деле испробовать свои идеи. Но этим меч-

таниям наступил конец, как только рабочее движение стало развиваться и проникаться социалистическим сознанием.

Впрочем, не нужно было особого напряжения ума, чтобы понять, насколько бесполезны обращения к богачам, если только немущие не возьмются сами за устройство своих дел. Многочисленные писатели из буржуазного лагеря, как наприм.: Эжен Сю, Жорж Занд, Виктор Гюго, Томас Вуд, Эбенезер Эллиот, Томас Карлейль, Чарльз Диккенс, Бенъямин Дизраэли — я упоминаю лишь наиболее выдающихся — в поэзии и в прозе описывали богачам всю безысходную грусть пролетарской нищеты, они вызвали к их чувству сострадания, умоляли их прийти на помощь обездоленным. Не имея малейшего намерения затронуть чем либо честь этих благодетелей немущих классов, мы все же должны подчеркнуть, что если-бы рабочие массы не взылись сами за ум и не начали бы строить, вопреки преследованиям правительств, свои экономические боевые организации, если-бы путем упорных и неустанных схваток, лучшие условия жизни не были завоеваны у работодателей — мы бы и по сей день жили в аду раннего капиталистического периода со всей его безграничной нуждой и ужасной нищетой.

Потрясающая «Песня о рубашке» Томаса Вуда никакого впечатления не произвела на английских королей текстильной индустрии. Между тем, если поэтический талант был бы в состоянии оказывать какое-нибудь влияние на интересы имущих классов, как раз этот пламенный призыв о рабочей доле должен был затронуть сердца и совесть богачей. Вполне возможно, что когда в хоромах богатеев декламировали душераздирающие строфы Вуда об «усталых и худых пальцах» швей, о ее глазах, «измученных и красных», — возможно, что некоторые сердобольные люди прослезались. Возможно даже, что кое-кто пожертвовал что-нибудь в пользу несчастных. Больших результатов наверное не было достигнуто. Даже наиболее слепые должны были прозреть и убедиться, что социальная нужда не может быть уничтожена путем филантропии. Возможно, что среди богатых классов могли еще держаться подобного рода иллюзии. Но рабочие массы очень быстро от них освободились. Сама жизнь всячески давала наглядные уроки даже наиболее ослепленным.

Сознательная классовая борьба была моментом пробуждения чувства собственного достоинства в пролетариате. Бедный Лазарь не захотел больше валяться в пыли и собирать крошки хлеба, падавшие со стола богачей. Он стал мятежником и револю-

ционером и постарался в борьбе обрести право свое. И в этом опять таки крупное культурное и этическое значение классовой борьбы рабочего класса.

Пусть нам не говорят, что Сэн-Симон, Оуэн, Маркс, Лассаль, Бакунин, Кропоткин и многие другие являются убедительным доказательством того, что и в среде, так называемого, «лучшего общества» можно найти почву для идей социализма. Эти люди являются исключением, лишь подтверждающим общее правило. Прекрасными речами и проповедями о законах человеческой нравственности не завоеешь сердец большинства имущих классов. Только путем упорных схваток их заставят уступить место для развития новых общественных форм жизни. То, что некоторые идеалисты из имущих классов прикнули к социализму, также маловажно для общего положения вещей, как не важен и тот факт, что некоторым бывшим рабочим удалось пролезть в стан капиталистов.

Прошу понять меня правильно. Я никоим образом не являюсь защитником теории «мозолистого кулака», теории, которая хотела бы отмести прочь от рабочего движения всякого интеллигента или всякого, кто не работает в предприятии. Нет! Добро пожаловать всякому, кто намерен вместе с нами вести борьбу против угнетения и эксплуатации. Но пример небольшого меньшинства не должен нас приводить к ложным умозаключениям, которые могли бы оказаться вредными для революционного рабочего движения. Приятно это или нет, но факт остается фактом и никакие софизмы против него не помогут: трудящиеся классы городов и деревень являются важнейшей и значительнейшей составной частью тех сил, что борются за социальное освобождение.

Следует, конечно, остерегаться и от другой ошибки. Мы, например, великолепно знаем, что в нашей борьбе против имущих классов мы, почти каждый раз, в стане наших врагов встречаем и людей, принадлежащих к нашему собственному классу. Речь идет о тех, кто являются добровольным или вынужденным орудием капитала и так называемого, капиталистического порядка и кто нередко проявляет себя в качестве закоренелого врага своих товарищей по классу. Но и этот факт ничего не меняет в общем положении дел и ни на йоту не умаляет значения классовой борьбы. Даже наоборот. Факт этот лишь еще ярче доказывает всю важность и неизбежность классовой борьбы в лоне современного общества. Только осуществление свободного социализма, который уничтожит разделение об-

щества на классы, только оно положит конец и классовой борьбе.

Мы являемся безусловными сторонниками пролетарской классовой борьбы, потому что не видим другого возможного пути к социальному освобождению и к осуществлению социализма.

Если же кто-нибудь, несмотря на весь опыт прошлого и, в особенности, на все исторические события последних лет, все так увлекается благочестивыми иллюзия-

ми — ему уж ничем не поможешь. Ход событий оставит в стороне эти фантазии и их защитников, точно также, как он перешагнет через глупое пустозвонство тех, мнящих себя революционерами, архилевых, вечно болтающих о борьбе, но отказывающихся от практического участия в повседневной борьбе из-за боязни подвергнуть опасности их мнимые принципы.

Рудольф Роккер.

О классовом характере анархизма^{*}

Кто не знает, что страусова политика — прятание головы перед опасностью — еще никогда никого не выручала из беды? Самая горькая. Но ясно осознанная действительность предпочтительнее самообмана. Эти старые, всем известные истины приходится особенно помнить, когда пытаешься отдать себе отчет в том, что представляет собою в настоящее время анархическое движение. Конечно, при желании можно не мало барабанного грохота задать, старательно раздвигая бесчисленные группки, группы, ассоциации и федерации всевозможных Урагваев, Чили и Шпицберген. В Северной Америке тоже не мало, как будто, анархистов. Во всех частях Европы можно насчитать не одну сотню анархических групп и федераций. Имеются анархисты в Китае, в Японии, в Египте и в Австралии, да где их нет? Десятки, если не сотни тысяч, людей называют себя анархистами. Какая огромная сила! И все же, несмотря на это, столь значительное количество лиц, именующих себя анархистами, анархический мир являет собою в настоящее время довольно печальное зрелище. Затуманивать, прикрывать, скрывать эту горькую действительность из опасения насмешек и злорадства врагов, — значит, мешать осознанию, а, следовательно, и изживанию наших недостатков и ошибок; это значит, способствовать дальнейшему накоплению промахов и ошибок, к великому удовольствию тех самых врагов, из-за ложного стыда перед которыми мы вздумали бы замалчивать действительность. Нет, мы хотим взглянуть опасности прямо в лицо, и если враги вздумают использовать некоторые наши признания, то мы можем доставить им это сомнительное удовольствие, ибо это будет началом конца их злорад-

ства. Мы хотим положить конец упадочному состоянию нашего движения, и поэтому мы громко и тревожно бьем в набат, в надежде быть услышанными всеми анархистами-революционерами, для которых болячки нашего движения — их собственные болячки.

Хваленые десятки и сотни тысяч анархистов, имеющих во всем мире, вовсе не представляющих собою чего-то единого, цельного, идущего по одному пути к единой цели. Общим для всех является одно лишь имя, никого и ни к чему не обязывающее название, которое любой человек может в любой момент приклеить себе, выдавая свои «самобытные» соображения за самый доподлинный анархизм. На ряду с рабочим анархистом, активным членом рабочей организации, ведущей изо-дня в день неустанную борьбу с хозяевами — мы имеем повсюду, и, к сожалению, не в малом количестве, анархистов принципиальных противников массовой борьбы и участия в рабочих организациях, анархистов-индивидуалистов, нищенцев, неонигилистов, анархистов-толстовцев, мистиков, буддистов, теософов; тут и светские дамы, чем-то и в чем то разочарованные, неудачники от литературы, художники из завсегдатаев кабачков, анархисты-собственники, наниматели рабочей силы. Все это до последнего времени находило себе место в анархическом мире, создавая самую причудливую мешанину взглядов, с самыми противоречивыми воззрениями на существо анархического идеала. Мудренно-ли, что анархизм — революционный идеал рабочих масс, анархизм — учение о безвластном трудовом обществе, добытом ценою насильственного свержения существующих устоев, — что это революционное учение основоположников современного анархизма — Бакунина и Кропоткина, так часто подменяется «анархизмом» индивидов, обвалакивающих свое капризное и неизмеримо большое «Я» обрывками не-

^{*}) Эта статья принадлежит анархо-коммунисту, одному из Соловецких узников, настоящее имя которого, по вполне понятным причинам, мы не можем поставить под статью.

понятого Штирнера, или — что еще чаще — подменяется подслащенным, тщательно-подчищенным, фальсифицированным анархизмом добродетельных буржуа, выдающих за анархизм медоточивые речи о братстве всечеловеческом и всеобщей любви.

Более сорока лет тому назад П. А. Кропоткин зло высмеял буржуа, кокетничавших с социализмом, которые, оставаясь всеми корнями своими, всем укладом жизни в капиталистическом обществе, «в принципе», охотно признавали себя социалистами: через несколько сот лет, мол, должно воцариться равенство и братство; почему же нет? — Все социалисты! (См. главу под этим названием в книге «Речи Бунтовщика»). Теперь пришла пора обратить серьезное внимание на то, что слишком охотно самые разнообразные элементы готовы «в принципе» считать себя анархистами. Все — анархисты! И всяк выдает за анархизм то, что ему заблагорассудится. Стараниями многих наших «принципиалистов», — из анархизма вытравили его живую революционную душу, превратив его в фантастическую сказку о райском блаженстве, неведомо какими чудесными путями приходящем на смену мировой скорби, заедающей теперь **все (!)** классы. Провозгласив, что скорбью удручены **все** классы капиталистического общества, делается вывод, что анархия явится избавительницей всех классов, из чего в свою очередь выводится, что анархизм и является идеалом всечеловеческим вне и надклассовым. Эта трогательная забота о **всех** классах, проникающая в наши ряды, настолько исказила лицо современного анархизма, что не редки случаи, когда некоторые тоже-анархисты, напаялив тогу великого гуманизма и человеколюбия, позволяют себе третировать анархистов-массовиков.

Усилиями наших «писателей», теоретиков вне-классовости, напущено столько тумана о возвышенной, недостижимо-великой, идеальной природе анархизма, что всякое напоминание о его рабочем происхождении стало рассматриваться чуть ли не как принижением идеала. Этому необходимо во что бы то не стало положить конец. Мещанам, болтунам и фразерам пора указать надлежащее место. Пора вернуть анархизму его боевую классовую сущность и покончить с баснями о нашей мнимой внеклассовости или всеклассовости.

Анархистское движение ведет свою историю со времени Первого Международного Товарищества Рабочих, со времени Первого Рабочего Интернационала. До шестидесятых годов девятнадцатого века можно говорить лишь о тех или иных отдельных

анархических мыслях того или иного одиночки писателя. Одним из первых, провозгласившим себя анархистом, был Прудон, крестьянин по рождению, наборщик по профессии. Прудон дал сильнейший толчок развитию анархической мысли в рабочих кругах Франции. Но система Прудона еще сильно отдавала надклассовым гуманитаризмом, а самого Прудона приводила к взываниям к буржуазии и даже к обращению к Луи-Бонапарту. Однако, рабочие из Первого Интернационала очень скоро перешагнули через прудоновские банки и проповедываемую им мирную эволюцию от капитализма к анархии. Бакунин конца 60-х годов, итальянские, французские и др. анархисты начала 70-х годов внутри Международного Товарищества Рабочих выковали идеал безвластного **трудового** общества, которое может быть завоевано лишь в результате беспощадной борьбы рабочего класса за свое освобождение. Именно, чтобы подчеркнуть отсутствие единства интересов между трудящимися и буржуазией, рабочий Интернационал твердил, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Кровавая расправа с парижскими Коммунарами (март 1871 г.) воочию показала, какая непроходимая пропасть лежит между двумя неравными частями современного общества, между его двумя основными классами. И в то время, как отдельные ученики Прудона кончали полным переходом на сторону буржуазии, анархисты — особенно после поражения Парижской Коммуны — с головой ушли в организацию рабочих масс для восстания, для революции, для победы над буржуазией. О внеклассовости анархизма речи никакой не было. Творцами анархического движения — **работниками Первого Рабочего Интернационала** — анархизм мыслился бесспорно, как идеал **рабочего класса**, класса трудящихся, и таким он оставался все время до реакции, наступившей после гибели на чикагских виселицах товарищей Парсона, Спиза и др. Мы вовсе не хотим сказать, что в построениях наших товарищей 70-х и начала 80-х годов не было ошибок, которые потом дорого обошлись нашему движению. Об этом мы поговорим отдельно.

Здесь мы хотим лишь установить тот неопровержимый факт, к сожалению, столь часто упускаемый из вида, что анархизм зародился и вырос в рабочей среде, как идеал трудящихся, идущих через насильственную борьбу и победу над буржуазией к освобождению труда от цепей капитала и власти. Лишь в эпоху упадка революционного движения расцвели — с одной стороны, реформистский Интернационал со-

циал-демо.ратов, а на другом полюсе, по линии Прудон—Тэккер—Маккэй и, возроденный Маккэй, Штирнер, — появились группы анархистов с явно анти-рабочим уклоном, с ударением на главном «Я», безразлично отмахивающихся от массы вообще, от рабочей массы в частности. Было-б, однако, полбеды, если бы противников планомерной борьбы рабочего класса мы находили только среди, так называемых, индивидуалистов. Гораздо более прискорбно то, что очень многие, так называемые, анархо-коммунисты, считающие себя правоверными учениками Бакунина и Кропоткина, очень часто проповедуют какой-то антирабочий, рассчитанный на удовлетворение **всех** классов, анархизм. У них мы находим и речи о трудящихся, о массах и массовой самодеятельности, и речи о революции, — но что это за трудящиеся, что за массы и о какой революции идет речь? Это не подлинные трудовые массы, рабочий класс и крестьянство, это не те рабочие и крестьяне, кот. на самом деле борются и бьются за лучшее будущее, — это не настоящие живые крестьяне и рабочие, со всеми их положительными и отрицательными сторонами, фигурируют в баснях-рассказах многих наших анархистов: нет, ими создан какой-то лубок, какой-то размазанный, приторно-добродетельный, реально не существующий рабочий и крестьянин — «Народ», который-де и проявит в нужный момент самодеятельность и прочее такое, дабы революция совершилась **возможно** **с наименьшим** ущербом для нынешних господ. Революция, в изложении таких анархо-коммунистов, похожа скорее на день взаимного всепрощения грехов, чем на революцию; пишется «революция», а рисуют дело так, что тотчас по изгнании воставшим народом правительства, вчерашние эксплуататоры и насильники добровольно переходят на сторону победившей революции, а рабочие и крестьяне протягивают руку своим вчерашним угнетателям; настает день братства и взаимной любви, устанавливаются идеальная анархия и коммуна, волк и ягненок мирно сожительствоуют, давая по «способностям» и получая по «потребностям»...

Можно подумать, что вовсе не было уроков подавления Коммуны 71-го года, не было упорных попыток монархической реставрации у нас, в России, в 1918-20 годы, не было мести буржуазии в Финляндии, Латвии, Венгрии, Баварии, — факты, реальная жизнь, наглядные уроки ничего не говорят уму и сердцу наших любвеобильных «анархистов», печальников за скорбящее человечество.

Когда мы у Бакунина встречаем «народ» и «человечество», то мы помним, во-первых, что это писал человек середины девятнадцатого века, и, главное, помним, что для Бакунина «народ» являлся лишь синонимом (однозначным словом) рабочего класса. (Мы особенно рекомендуем вниманию наших нынешних вне-классовых анархистов те места в «Письмах к французам», где Бакунин без всяких обиняков призывает вставший рабочий класс **арестовать** всех прислужников старого строя, и доказывает необходимость для **передового рабочего авангарда** терпеливо и осторожно относиться к отсталости деревни и где он говорит об армии, и необходимой в ней дисциплине). Бакунин не был над-классовым или вне-классовым анархистом: интересы рабочего класса и его победа стояли у Бакунина на первом месте.

Несколько менее категоричен Кропоткин. Через всю свою жизнь Кропоткин пронес народническую оценку крестьянства, и Кропоткинский «народ» (из «Хлеба и Воли» в особенности) действительно вызывает не малое недоумение*). Но симпатии Кропоткина, как анархиста, бесспорно на стороне классовой борьбы рабочих и трудовых крестьян, и мы сегодня можем обеими руками подписаться под многими страницами, вышедшего в 1905 г., сборника статей «Хлеб и Воля» (не смешивать с книгой «Хлеб и Воля») и резолюций совещания русских анархистов-коммунистов, редактированных А. П. Кропоткиным в конце 1906 г. В этих статьях и докладах, периода 1903-1906 гг., имеющих непосредственный программный характер, речь идет не о подлащенной в угоду всем классам этической революции, объединяющей все «человечество» без различия классов. Нет! Кропоткин и его ближайшие друзья по тому времени говорили ясным русским языком **о классовой борьбе**, **о беспощадной борьбе рабочего класса** за свое освобождение. Они говорили о необходимости **организации** рабочих масс на почве повседневных интересов. Они говорили о неизбежности насилия в революции, о длительном переходе от старого к новому, о яростном и всемерном сопротивлении лиц, групп и классов, заинтересованных в старом «порядке». Наши же современ-

*) Автор статьи делает здесь ошибку. В то время, когда Кропоткин писал свои статьи, из которых составлялась книга «Хлеб и Воля», он состоял активным членом федералистического интернационала и вел ожесточенную классовую борьбу. Его перо было приковано ко многим докладам и резолюциям рабочих конгрессов Франции. Так что об отрицании Кропоткиным классовой борьбы и об «народнической оценке» не может быть и речи. — Редакция.

менные «народолюбцы», из некоторых анархо-коммунистических кругов, проповедают революцию без насилия, ожидают самодельность масс без... организации, отрицают классовую борьбу, и сладкие песни поют о дивных красотах анархического идеала, заманчиво пленительных для многих и многих буржуа.

Подымает голову анти-рабочий «анархизм», широко открывающий двери либерально-насторенным хозяйчикам, неудачникам из богемы, всем деклассированным элементам.

Революционерам-анархистам необходимо громко и решительно, не на словах, а на деле, отмежеваться от проповедников над-классовых благоглупостей. Искренно заблуждающимся нужно открыть глаза на то, что художественно разрисованные сказ-

ки о будущем блаженстве скорее похожи на детские или лицемерные басни о царствии небесном, чем на идеал революционного анархизма. А торгашей, хлынувших в наши ряды, нужно попросту «отшить», отбросить от себя подальше, отбить у них охоту прикрываться именем анархиста.

В анархическом мире далеко не все благополучно... Нужны энергичные объединенные усилия товарищей, чтобы очистить движение от всплывшей наверх мути. Найдутся ли такие силы? Мы хотим верить, что найдутся. Рабочая молодежь и нерастерявшиеся перед реакцией старики, — все, кому дороги заветы творцов революционного анархизма, должны возможно скорее дать достойный отпор мягко-стелющимся контр-революционным фальсификаторам от анархизма.

Хлебопек.

Индустриальные Рабочие Мира и Международное Товарищество Рабочих

(Ответ на запрос).

Товарищи, эмигрировавшие в Соединенные Штаты, спрашивают: каково отношение М. Т. Р. к организации Индустриальных Рабочих Мира? Целесообразнее будет дать некоторые соображения по этому поводу в нашей печати, чем отвечать каждому в отдельности.

Но, прежде всего, этот вопрос следует поставить иначе: каково отношение И. Р. М. — объединение северо-американское — к М. Т. Р. — международная организация революционного пролетариата?

В лучшем случае, это отношение носит характер почти-что безразличного нейтралитета. Такое отношение ничего не говорит ни уму, ни сердцу, но оно вытекает из некоторых факторов. И. Р. М. смотрят на М. Т. Р. «свысока»...ну, например, как прапрадед смотрел-бы на пра-правнука. Существует в Америке доктрина Монроэ, внушившая американцам дух самодовольствия: ничего, мол, не существует хорошего в мире вне северного Нового Света... Что Северная Америка, как французский синдикализм, самодостаточна. Что мир — это Магомет, а Чикаго — непоколебимая и всемогущественная стена. Что Соединенные Штаты — это единственная страна, имеющая значение, и что И. Р. М. — это единственная возможная организация, и что все пролетарские пути ведут — или должны вести — в этот новый Рим. Эта доктрина Монроэ всосалась во все поры социальной жизни и выражается лозунгом «игнорировать Европу, этого незачастельного пигмея».

Эта доктрина породила, даже среди наших друзей из Инд. Раб. Мира, манию величия, которая, между прочим, характерна не только для одной Северной Америки: она свирепствует на всем американском материке.

Это, однако, не мешает И. Р. М. быть революционной организацией, не только по своему классовому духу, но и благодаря своей организованности.

Если бы пришлось составить список достоинств и недостатков И. Р. М., то среди достоинств можно было бы отметить их индустриализм с полной автономией местных отделов; их испытанный революционный дух; их систему методической организации и их тактику классовой борьбы. Среди недостатков, мы уже говорили об их «исключительности» и об отсутствии малейшего интереса к революционному рабочему движению всего мира; к этому надо прибавить дозу довольно заметного марксизма, ставшего у И. Р. М., чуть-ли не традиционным, — не надо забывать, что основатели И. Р. М. были марксистами.

Взяв И. Р. М., как цельную революционную единицу в Соединенных Штатах, М. Т. Р. не могло не иметь много интереса и много искреннего желания, как сговориться с ними. Революционно-синдикалистское движение **выигрывает** от соглашения с И. Р. М. Думаю, что И. Р. М. тоже кое-что выиграют.

М. Т. Р. сделало несколько попыток сговора и сближения. К сожалению, последние

события в рядах самих И. Р. М. внесли маленький переполох в отношения между этими двумя организациями...

Что должны делать наши тов. Старого Света, брошенные судьбой на американскую почву? Долг наших друзей, там, на новом месте, **непременно** вступить в члены И. Р. М. и дать последним всю свою поддержку, как практическую, так и нравственную; внутри-же самой организации — реагировать против всяческих марксистских уклонов, часто бессознательных, со стороны вождей И. Р. М. Нет никакого сомнения, что наши товарищи, внимательно следившие за событиями в России, Германии, во Франции и в других странах, легко смогут покончить с этими уклонами; они должны заинтересовать тот «локал», к которому они принадлежат, всяким революционным движением, выходящим за пределы их страны и привлечь его к изучению рабочего движения других стран; особую помощь следует оказывать И. Р. М. в их борьбе против всякого политического внедрения — коммунистического или любого иного.

Наши товарищи могли бы сделать доброе дело распространением в «локалах» и в печати разных языков, находящейся в руках И. Р. М., идей, провозглашенных Международным Товариществом Рабочих в своих статутах и в своих органах печати и, наконец, указанием на важность, ценность и неизбежность международной связи.

Вопрос **индустриальной** (производственной) организации рабочего класса является очень важным для тех стран, где традиционная форма объединения **по ремеслам** привела наших товарищей к смешению «ремесленной» формы с «федерализмом» и «индустриальной» формы с «централизмом». Индустриализм может и должен быть федералистическим, и товарищам пора уже отбросить отжившие формы рабочей организации по ремеслам. Маленькие-ли анархические группы, разбросанные тут и там, маленькие-ли ремесленные союзы, размноженные до бесконечности, — ни одни, ни другие не в состоянии будут создать большого движения, **способного** бороться. Пусть наши товарищи запомнят это и пусть не пугаются индустриализма И. Р. М., которые находятся на правильном пути. На обязанности наших товарищей лежит задача не только недопущения к уклону в направлении марксистского централизма, но и задача усиления федералистического характера движения. В И. Р. М. существует местная автономия. **Это — главное.**

Декларация принципов М. Т. Р. не исклю-

чает возможности совместной жизни с И. Р. М. Это — обязанность последних указать в чем они **существенно** расходятся с М. Т. Р. В недрах последнего, живут в полной гармонии идей и действия рабочие организации, организационная структура которых разная, как-то: Германия, Аргентина, Чили (И. Р. М. этой страны примыкают к М. Т. Р.), Швеция и т. д. Таким образом, на обязанности товарищей, которые, наконец, поняли большое значение и огромную необходимость международного организма рабочей борьбы на федеративных и анти-государственных основах, лежит настаивать перед центральным органом И. Р. М. о неизбежности разрешения, не сегодня — завтра, вопроса об отношении к международному революционному рабочему движению, которое вне всякой политики и всякого государства — именно, как этого и хотят И. Р. М. — организуется для переустройства общества на новых началах.

1919-м году, в своем послесловии к «Речам Бунтовщика», П. А. Кропоткин отмечал, что только в последние пять-шесть лет перед войною, почувствовалось пробуждение интереса к основной задаче всякой рабочей организации, т. е. к социальной революции, — интерес к которой ослаб после исчезновения Первого Интернационала. «Особенно повлиало в этом направлении, пишет Кропоткин, синдикалистское движение во Франции и Италии и пробуждение в Соединенных Штатах, где под именем **Промышленных Рабочих Мира** началось движение, прямо поставившее своей целью борьбу с капиталом, для перехода всей промышленности из рук капиталистов в руки производителей, объединенных в громадные Союзы».

Такова цель, которую себе поставило Международное Товарищество Рабочих — продолжающее дело бакунинского крыла Первого Интернационала — и которое, сегодня объединяет под своим знаменем все синдикалистское движение Европы и Южной Америки.

Такова также и цель Индустриальных Рабочих Мира.

Такова цель каждого анархиста, покончившего со звонкой фразеологией и желающего подойти вплотную к фактам, к жизни, к действую.

Что-же может **серьезно** помешать И. Р. М. действовать воедино с М. Т. Р.?

А. Шапиро.

Примечание редакции. Статья тов. Шапиро печатается нами в дискуссионном порядке.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Позиции анархистов в русской революции

(КРАТКИЙ ОЧЕРК).

в) Смешанные группы.

Теперь, для установления полной картины, перейдем к анархо-коммунизму смешанных групп, примыкавших к „Анархии“ и „Буревестнику“. Эти группы по своему составу представляли то, что в последствии представляли собою группы „Набата“, наследовавшего от них идею „единого анархизма“, которую он с таким шумом выдвинул, как нечто новое в организационной практике русского анархизма.

С закрытием в Петрограде „Буревестника“ (май 1918), а в Москве „Анархии“ (июль 1918), анархо-коммунизм осенью этого года сделал попытку сплотить свои силы и сформулировать свою революционную программу. Совершенно независимо от В. Ф. А. К., в Брянске был созван съезд анархистов, на котором руководящую роль играли Бр. Гордины. Малый секретариат Северного Областного Союза Анархистов — был результатом этого съезда. Однако, не прошло и пары месяцев, как все это здание распалось. Все, что секретариат успел сделать — это издать резолюции съезда, носившие исключительно негативный характер.

Вскоре исчезли и последние признаки „Московской Федерации Анархистов“. Гордины повернули вправо. Они завладели материальной частью бывшей федерации и основали новую организацию: „Первый Центральный Социотехникум“ и выпустили декларацию, в которой, при самом тщательном чтении, нельзя найти никакого, даже отдаленного, сходства их новой позиции с резолюциями брянского съезда, авторами которых они являлись.

С некоторыми положениями этой декларации безинтересно ознакомиться, ибо из этих положений мы увидим в какой мере Первый Всероссийский съезд анархистов-коммунистов разделял гординские взгляды.

Суть декларации определяется нижеследующими держками из нее.

„Социализм, — читаем мы в ней, — должен победить. Социализм не может не победить. Социализм должен победить буржуазный мир, чтобы быть в свою очередь побитым анархизмом.

„Социалистический порядок это преддверие к анархическому порядку.

„Социализм, правда, не исторический этап, а фактический этап к анархии.

„Социализм не неизбежен, не безусловно необходим, как подготовка к Анархии. Но он ныне, при данной ситуации, при теперешнем соотношении сил, международных, междуклассовых и междупартийных, необходим. Социализм не логически связан с анархией. Он может логически даже противоречить Анархизму, но практически все-же с ним тесно связан, практически все-же, несмотря на кажущиеся коллизии, социализм, в данный момент, расчищает путь перед Анархией, очищая мир, и пусть железом и

кровью социалистической власти, от буржуазной скверны“. (Декларация, стр. 3-4).

Позиция эта не нова. Она защищалась еще в 1906-8 гг. А. Боровым в одной из его брошюр...

Другая часть „Московской Федерации анархистов“, не согласившись с Гординым, создала новое объединение: „Союз Анархо-Коммунистов-Синдикалистов“. Этот союз в 1919 г. издавал в Москве газету „Труд и Воля“, в которой занял несомненно революционную и анархическую позицию. Однако, этот союз не просуществовал и года. Газета была закрыта большевиками и в союзе начались внутренние раздоры на почве его склонности к приспособленчеству в условиях большевистской действительности. В конце концов, союз реформировался и из „Московского Союза Анархистов-Коммунистов-Синдикалистов“ превратился просто в „Московский Союз Анархистов“, в который, между прочим, вошли А. Карелин с некоторыми членами секретариата В. Ф. А. К., Новомирский, через месяц ставший членом Рыкапы и Гордин (младший), окончательно разошедшийся со своим старшим братом, ставшим совершенно немняемым. Этот господин остался верным выдвинутому лозунгу „социотехникума“: „нет ни бога, ни природы“ и пошел дальше: к проповеди онанизма, технической морали и нового, им изобретенного, языка „АО“.

Московский Союз Анархистов заявил о своем существовании декларацией чрезвычайно опортунистического и мирного характера. Однако, развернуть своей деятельности дальше кухмистерской он не смог и скоро скатился в пропасть полного опортунизма. Этот союз с тем же самым членским составом перекарасился в защитный цвет Анархо-Универсализма, творцом и создателем которого был Гордин. Но Гордин в своем приспособленческом порыве пошел еще дальше, за что и был исключен из Универсала. Исключенный Гордин с пятком своих приверженцев организовал новую группу и создал новую теорию — Интер-индивидуализм. Интер-индивидуализм унесли с собой из Универсала симпатии большевиков, при их финансовой поддержке они стали издавать объемистый журнал: „Через социализм к интер-индивидуализму“. Осенью 1921 г. Универсалисты, несмотря на „доброе соседские“ отношения с В. Ч. К., были разгромлены и на их месте вырос Анархо-биокосмизм, который скоро скончался естественной смертью. На поверхности российской действительности осталась только одна В. Ф. А. К.

Так обстояло дело с русским анархо-коммунизмом.

Если сравнить приведенные выше речи и доклады участников первого Всероссийского Съезда Анархистов-коммунистов с позицией Гордина, изложенной в его декларации, то, в вопросе отношения к большевикам и к государственному социализму, мы находим разительное сходство и даже полное совпадение взглядов; как для

тех, так и для другого государственного социализма есть переходная стадия к анархическому коммунизму. Нет ничего, следовательно, удивительного, что члены В. Ф. А. К. работали в „Московском Союзе Анархистов“ совместно с Гординым и другими остатками „Московской Федерации Анархистов“, анархизм которых к этому времени успел сойдено подмокнуть. Неудивительно, что члены В. Ф. А. К., подписали (А. Карелин), если мне не изменяет память, первую, малую декларацию Анархо-универсализма.

В дальнейшем позиция В. Ф. А. К. в отношении большевиков достаточно хорошо характеризуется тем обстоятельством, что наши анархо-коммунисты до сих пор пользуются*) в советском бедламе неприкосновенностью и вплоть до 1922 г. издавали свой журнал „Вольная Жизнь“, которым большевики всегда тыкали в глаза иностранным товарищам, когда последние начинали разговоры о преследовании советами анархической прессы. Отношение большевиков к секретариату В. Ф. А. К. очень ярко подчеркивается следующим фактом.

Ныне высланный за границу анархическая молодежь (Михайлов, Юдин, Воробьев) и оставшаяся в России (на свободе и в ссылке), была арестована на квартире В. Ф. А. К., где проживали члены секретариата В. Ф. А. К. Аносов и Алмазов, при чем последние арестованы не были.

Наконец, манифест, опубликованный в одном из номеров „Волны“, слезница на могиле Ленина, письмо Солоновича, все это достаточно хорошо характеризует современную позицию В. Ф. А. К. Эта позиция, конечно, не случайность, не ошибка, как мне писали товарищи из „Волны“, а логическое, естественное следствие позиции первого съезда анархистов-коммунистов.

Итак, вся нелепость обвинения анархо-синдикалистов в тесном сотрудничестве с большевиками очевидна. И еще более очевидна нелепость утверждения, что анархо-синдикалисты радовались разгрому анархо-коммунистов. Ведь, последние еще до сих пор благополучно здравствуют в Перном Доме советов и вокруг него и пишут против анархо-синдикализма сногшибательные статьи, как, например, Худолей.

Наконец, сравните следующий отзыв Ц. К. Р. К. П. об анархистах-коммунистах с приводимым ниже отзывом того-же Ц. К. Р. К. П., и в том-же циркулярном письме, об анархо-синдикалистах.

„Всероссийская Федерация Анархистов-Коммунистов. Эта федерация, — читаем мы в циркулярном письме Ц. К. Р. К. П. — имела первое время даже представительство в В. Ц. И. К. и до сих пор имеет свой легальный орган „Вольная Жизнь“ и свое издательство. Во главе их стоит старый, очень уважаемый анархо-коммунист А. Карелин. Официально группа не выступает в контр-революционных организациях, но ее именем в настоящее время широко пользуются и левые с.-р. и правые с.-р. настолько широко, что, по словам самого Карелина, федерация ни в коем случае не может поручаться за всех входящих в эту федерацию и имеющих членские билеты от нее“.

*) Начиная с этого года в романе В. Ф. А. К. с большевиками произошел перелом, некоторые члены В. Ф. А. К. арестованы.

Вот во что выродился „анархо-коммунизм“. Он стал приживальщиком власти и служит у нее на побегушках. Более того, В. Ф. А. К. является орудием в руках большевиков в борьбе с анархизмом, большевики всегда указывают на нее, когда за границей заходит речь о преследовании анархистов в России. Вот почему мы, анархо-синдикалисты, в своем предисловии к „Вместо Программы“, назвали „некоторых видителей а.-к.“ — шарлатанами. А ныне я еще более убежден в их шарлатанстве.

Очень жаль, что анархо-коммунистическая пресса России не обратила в свое время сорезанного внимания на эту растлевающую дух анархизма организацию. Впрочем, я не совсем прав. „Анархия“ и „Голос Труда“, как мы увидим ниже, заметили это и выступили с резким осуждением позиции В. Ф. А. К., а после них нашлась таки и еще одна газета, которая тоже заметила растлевающий характер В. Ф. А. К. Я имею в виду нижегородскую газету „Под Черным Знаменем“, — (орган Нижегородской федерации анархических групп) — которая в номере 10, от 16 августа 1918 г., писала:

„Речь идет о группе анархистов, заседающих в Ц. И. К. Советов и о тов. А. А. Карелине, выступавшем на съезде Советов от имени этой группы.“

„Я не стану в данной статье заниматься принципиально исследованием позиции этой группы, тем более, что уже писал по этому вопросу, хотя и коротко в номере 9 „Под Черным Знаменем“.

„Но считаю слишком слабым тот отклик, который дала наша анархическая пресса до сих пор на существование уже вот около полугода парламентской „фракции А.-К.“.

„Вполне достаточно, даже для самых близорукых из нас, выяснилась неанархичность этой группы, и по факту ее существования, и по смыслу ее выступлений и я считаю необходимым, громко во всех наших органах заявить о непосредственно вытекающем из тактики этой группы принципиальном и безусловном разрыве с ней.“

„Лично заявляю свой протест, к которому, я верю, присоединятся ни один из товарищ-анархист, протест и против той нечестности с самими собой, которую члены „фракции анархистов“ проявляют, продолжая называть себя анархистами и выступать от имени анархизма, с которым фактически всякую внутреннюю связь потеряли.“

„Резкий и гласный разрыв с этой группой необходим нам ради внутреннего самоукрепления в своих позициях антипарламентариев и безвластников, и я верю, что анархисты откликнутся на мой призыв и дадут на страницах своих органов должную оценку и освещение деятельности этой группы. Пусть все ее члены знают, что лишь гласное, мотивированное выступление из состава Ц. И. К. даст им возможность вернуться и считать себя членами анархической семьи“.

Увы! страницы анархических органов не покрывались протестами, и сам автор статьи, Бенедикт Рыжик, через два года стал заправским коммунистом-чекистом, а нижегородская группа пришла к столам этой парламентской фракции в анархизме. Больше того, эта фракция и доныне защищается на страницах русской анархической прессы Америки; в этой фракции, благодаря ее названию (А.-К.), хотят видеть истинных революционеров и подлинных а.-к., а в а.-с. видят сотрудников большевиков,

т. е. хотят переменить нас местами. Дудки, этот номер не пройдет!

Анархо-Синдикалисты.

Теперь мы перейдем к рассмотрению позиции анархо-синдикалистов. Прежде всего обратимся к моей брошюре: — “Советы Раб. Сход. и Крестьянских Депутатов и наше к ним отношение”, — о которой мы уже говорили в главе: „О лозунге взрывать или — вместе бить“.

Определив понятие этого лозунга и его содержание, установив, что большевики после своей победы, в силу закона развития, неизбежно станут и становятся регрессивной силой, я сделал тогда следующие выводы, (прошу не забывать, между прочим, что эти выводы были сделаны в декабре 1917 года, т. е. всего лишь два месяца спустя после октябрьского переворота).

„Мы должны, — писал я, — уйти в низы для организационной работы, для организации третьей и, может быть, последней революции. А поэтому, как раньше мы принимали участие в советах, так теперь, с переходом власти в их руки, должны вести борьбу против них, как органов государственных и законодательных, ибо

„1) Советы являются органами власти...

„2) Советы — новый тип парламента (классового) в каждом из миниатюрных полусвободных государств-областей, губерний или уездов. (стр. 5-6).

„3) Мы знаем, что, — как говорит П. Кропоткин — „каждое народное представительство — называйся оно парламентом, конвентом или чемнибудь другим, будь это создано префектами Банопарта или выбрано восставшим народом на основании всевозможных свобод, — всегда будет стремиться к тому, чтобы расширить свое ведомство, увеличить свою власть всякого рода добавлениями и подавить самостоятельность личности или группы путем закона“.

„Такая тенденция представительных органов, — добавлю я, — насколько не зависит от состава их, каков бы состав советов не был, их деятельность пойдет по вышеуказанному пути; свернуть же советы с этого пути, участвуя в их работе, — вещь немыслимая.

(Разве я оказался не прав??).

„Участвовать в советах, с целью создания в них своего большинства, дабы, достигнув господствующего в них положения, направить их деятельность в желательном для нас направлении, значит, — признать парламентскую тактику и осудить революционную; значит, — превратиться в анархистов-государственников, верить в могущество декретов и законов, потерять веру в самостоятельность и творчество масс... Это, наконец, будет означать, что мы верим в освободительную силу государства.

„Нет, мы должны бороться, упорно бороться с существующей ныне формацией советов. (стр. 6)

„Итак, мы должны теперь вести борьбу против советов, не как формы вообще, не как советов, как таковых, а против существующей ныне властной советской формы. Мы должны стремиться к тому, чтобы они были центрами не власти и приказания, а центрами безвластными, регулирующими, упоря-

дочивающими, не подавляющими свободы и самостоятельность первичных, основных рабочих организаций; чтобы они были лишь центрами организационно-связывающими эти автономные организации. Борьба за эти советы должна вестись, главным образом, вне стен советов, среди масс“.

(стр. 7).

Здесь я должен оговориться. Позиция „Голоса Труда“ была несколько умеренней вышеизложенной. Доклад этот не был принят, он был отвергнут, но по моему требованию и настоянию он был опубликован в газете „Голос Труда“ от 22-го декабря 1917 года. Тогдашний редактор газеты без моего ведома вставил в доклад поправку, которая подогнала доклад к общей позиции группы в данном вопросе. В заключительную фразу, приведенной выше цитаты, были введены несколько смягчающие тон и категоричность моего доклада слова: „Главным образом“. Расхождение между группой и мной состояло в том, что группа еще считала возможным и нужным работать в некоторых местных советах, как-то: в сельских, мелких городах и там, где отсутствует влияние большевиков, одним словом, в низовых советах; я же стоял на точке зрения работы извне.

В соответствии с позицией группы, редактор ввел в конец моего доклада фразу, на которую я дал согласие лишь пост-фактум и по которой можно вполне судить о позиции группы в данном вопросе.

Эта фраза гласит:

„Имея, однако, в виду, что не все советы носят и будут носить одинаковый ярко-выраженный (искаженный и властный) характер, не возбраняется, конечно, в отдельных случаях, вести эту борьбу и внутри советов. Все же, главная борьба за установление безвластных советов должна вестись вне стен советов, и такой борьбе надо отдать предпочтение“.

Как видите, вопрос о вхождении в В. Ц. И. К. в среде анархо-синдикалистов даже и не поднимался, ибо каждому было очевидно, что вхождение в состав верховного государственного органа с принципиальной точки зрения абсолютно недопустимо. Иного, диаметрально противоположного, взгляда придерживались, как мы видели, анархисты коммунисты. Единственный компромисс, если только это компромисс, который допускали анархо-синдикалисты — это участие на съездах советов.

Такова была позиция анархо-синдикалистов в рассматриваемом нами вопросе в конце (декабрь) 1917 г. В 1918 г. она осталась неизменной. Неизменность позиции в данном вопросе может быть засвидетельствована следующими историческими фактами, легко поддающимися проверке.

В марте 1918 г. анархо-синдикалисты, делегаты 4-го чрезвычайного съезда советов, присоединив свой голос протеста к голосу „Московской Федерации Анархических Групп“, секретарем которой в то время был Лев Черный, к голосу 3-4 других групп, протестовавших вместе с Московской федерацией против, так называемой, Всероссийской Федерации Анархистов-Коммунистов, (о существовании которой в анархических кругах почти никто не знал), посланной в В. Ц. И. К. делегатов и против ее лидера Александра Ге, самым бесцеремонным образом сколачивавшим на съезде численно необходимую для пред-

вышел первый номер ежедневного „Голоса Труда“, то все эти протесты, печатавшиеся на страницах газеты „Анархия“, были перепечатаны „Голосом Труда“, чем анархо-синдикалисты еще раз официально подчеркнули свое отрицательное отношение ко вхождению в В. Ц. И. К. Дальше мы увидим, что анархо-синдикалисты не только отрицательно относились ко вхождению во В. Ц. И. К., но даже и к самому В. Ц. И. К.

Несмотря на протесты, анархо-коммунисты из В. Ф. А.-К. все-таки вошли в состав В. Ц. И. К. Вот их имена: Александр Ге (которого вскоре заменил А. Карелин), Ф. Горбов, Эрмандо.

Для того, чтобы еще больше оттенить позицию анархо-синдикалистов и еще резче подчеркнуть ту идейную и тактическую пропасть, которая все время отделяла анархо-синдикалистов от лже-анархо-коммунистов, разбронировавшихся вывеской В. Ф. А. К., мы приведем здесь один любопытнейший и пренитереснейший документ, который мне стал известен совсем недавно. В Москве об этом документе я не мог знать, потому что он был опубликован в московской лево-эсеровской газете „Знамя Труда“ (воскресенье, 24 (11) марта 1918 г. №162) в то время, когда я находился еще в Петрограде и подготавливал эвакуацию „Голоса Труда“; московские же товарищи, повидимому, не обратили на него внимания.

Этот достопримечательный документ напечатан левыми эсерами (м. б. и большевиками) под аршинным заголовком: **ЗАЯВЛЕНИЕ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ.**

Вот этот документ полностью.

„Письмо в редакцию.“

„За последние дни в московской газете „Анархия“ появился ряд „извещений“ о том, что тов. Александр Ге, буд-бы, никем в Центральный Исполнительный Комитет не делегирован и не имеет права на представительство в нем. Одна какая-то доселе совершенно неведомая организация даже высказывает ему „недоверие“.

„По этому поводу мы заявляем:

„1. Все утверждения газеты „Анархия“ — ложь. Товарищ Александр Ге был делегирован на 3-й Всероссийский Съезд Советов от бывшей Петроградской Федерации Анархических групп, которая впоследствии раскололась на две самостоятельных организации, по просьбе делегатов членов съезда (?), приехавших за ним в редактировавшуюся им в то время газету „Буревестник“. Официальный мандат, хранящийся в депопроизводстве 3-го съезда, был подписан официальным секретарем федерации, т. Н. Солдатовым.

„2. Для того, чтобы быть членом В. Ц. И. К., вовсе не нужно быть членом какой либо организации или партии (!). Можно даже не состоять членом съезда. Каждая фракция на съезде имеет право делегировать в В. Ц. И. К., соответствующее ее численному составу количество представителей, при чем, совсем необязательно, чтобы эти представители присутствовали на съезде или были его непосредственными или косвенными участниками.

„3. Все выступления в В. Ц. И. К. всегда делаются не от имени той или иной партии или организации, а от имени той или иной фракции В. Ц. И. К. (!!). В

данном случае и все выступления т. Александра Ге делались им не от имени „анархизма“, как лживо утверждают авторы „извещений“, а от имени „фракции анархистов-коммунистов в В. Ц. И. К.“.

„4. Авторы „извещений“ не имеют ни формального, ни морального права оспаривать „законность“ мандата т. Александра Ге, ибо такое право может быть присуще лишь таким организациям, которые делегируют, а не таким, которые, прикрываясь „принципиальными соображениями“, „не“ делегируют. Товарищ же Александр Ге послан в В. Ц. И. К., как анархист-коммунист, от целой фракции анархистов-коммунистов на съезде. А анархисты-коммунисты ни в одобрениях, ни в „доверии“ со стороны анархо-синдикалистов, ныне выступающих с „протестами“ в газете „Анархия“, не нуждаются.“) Наоборот, они не имеют ничего общего с этим неанархическим течением и решительно от него отмежевываются.“)

„5. Мотивы и цели выступлений в „Анархии“ лиц, подписавших упомянутые „извещения“, нам хорошо известны. Если это по обстоятельствам дела потребует, в ближайшем будущем, будут опубликованы вскрывающие их документы.“(!)

„6. Товарищ Александр Ге не только в русских, но и в широких зарубежных анархических кругах и организациях пользуется общим уважением и полным доверием и ни на одну минуту не прерывал литературного и организационного сотрудничества с ними. В ответ на высказанное ему в „Анархии“ несколькими группами „недоверие“ мы обратились к товарищу Ге с товарищеской просьбой совершенно игнорировать всякие выступления различных общественных групп и личностей. Газете же „Анархия“, открывающей свои столбцы заведомым инсинуаторам (!!) личной травли (!!!) мы предлагаем немедленно положить конец хулиганским (!?) выходкам на ее столбцах, в противном случае, мы будем вынуждены публично объявить ей бойкот.

„От имени фракций анархистов-коммунистов в Всероссийском В. Ц. И. К. 3-го и 4-го созыва

Федор Горбов.

„От имени фракции анархистов-коммунистов на 4 Всероссийском Съезде Советов

Р. Эрмандо.

„От имени организационной комиссии по созыву Всероссийского съезда анархистов-коммунистов

Мамонт-Дальский.

*) Не правда-ли, сколь умно и доказательно разъяснено? Ничуть не глупее былых сенатских разъяснений.

**) Обращаю особое внимание противников анархо-синдикализма на эту фразу и рекомендую вспомнить ее всякий раз, когда хочется крепко ругнуть а.-с. или обвинить их в предательстве, сотрудничестве с большевиками и т. д.

***) Анархо-синдикализм — „неанархическое течение“, потому что он, „прикрываясь принципиальными соображениями“, не идет в парламент, а анархо-коммунизм — течение анархическое, потому что он, ничем не прикрываясь, идет в законодательную палату. Вот логика, так логика! Что касается отмежевывания, так а.-с. отмежевывались еще раньше.

„От имени Петроградской федерации анархистов-коммунистов *А. Григорьев, И. Лебедев, А. Светлов.*

„От имени Иркутской федерации анархистов коммунистов *А. Григорьев.*

„От имени анархического Черемховского угле-промышленного района (?) *Федор Горбов.*

„От имени скандинавских анархистов (?)

Карл Петер.

„От имени черноморского флота (?) *А. Фейдер.*

„От имени анархистов балтийского флота (Гельсингфорс) *И. Лесной.*

Приведенный документ говорит сам за себя, в комментариях не нуждается. Что же касается его оценки, то я от этого воздержусь, предоставив это сделать самим читателям.

Однако, не лишено будет интереса привести здесь факт, иллюстрирующий то, насколько полезно и выгодно для анархизма быть членом В. Ц. И. К. Приводимый ниже факт покажет также, почему мы, анархо-синдикалисты, не только отмежевывались от некоторых „анархистов“, но и вели с ними ожесточенную борьбу в своей прессе, особенно в „Вольном Голосе Труда“, этот же факт объяснит и ту ненависть, которую питали эти „валяй анархисты“ к анархо-синдикализму и его носителям.

В „Голосе Трудового Крестьянства“, — (13 (31) апреля 1918 г., №179), — мы находим следующее извещение от исполнительного комитета крестьянской секции советов:

„Для борьбы с контр-революцией в рязанской губернии был организован членом В. Ц. И. К. Советов крестьянских, рабочих и казачьих депутатов *Горбовым*, ныне арестованным, отряд из 66 лиц*, который, поехав в рязанскую губернию в начале марта, выполнил поручение испол. ком. крестьянской секции, о чем были уведомления уездн. сов. Рязанской губернии.

„Горбов для своего отряда получил от крестьянской секции удостоверения, форма которых при сем приложена.

„По прибытию в Москву Горбов и его отряд отчета и удостоверений испол. ком. крестьянской секции не сдали, а по полученным сведениям, некоторые лица из этого отряда стали чинить грабежи и обманы, пользуясь и прикрываясь бланками от крестьянской секции за подписью председателя М. Спиридоновой.

„Испол. ком. крестьянской секции В. Ц. И. К. просит все советы, комбесарнаты, общественные организации, должностных и частных лиц — кому будут предъявлены удостоверения, выданные от сего испол. ком. 26 и 28 февраля за №№ 478, 495 и 497 и подписанные председателем М. Спиридоновой и секретарем Майоровым — лиц предъявивших немедленно задержать и препровождать во В. Ц. К. по борьбе с контр-револ., саботажем и спекуляцией, помещающуюся по Лубанке в д. №11. Туда же надлежит высылать все сведения или могущие иметь отношение к выданным удостоверениям и к лицам в них указанным.

*) В этом отряде принимали участие: Горбов, Григорьев, Светлов, Курбатов, Венедиктов и др.

„Список лиц, которым выданы удостоверения для борьбы с контр-революцией в Рязанской губернии*) и форма самого удостоверения указываются ниже.**)

„Председатель Испол. Ком. Крестьянской Секции *М. Спиридонова*“.

В чем тут дело? Может быть это обычная ложь и клевета социалстов? Увы! к сожалению, нет — к сожалению, — правда. Речь идет о напумовшей в свое время реквизиции и спекуляции опиумом, за которую „Голос Труда“ жестоко заклеймил этих господ, позорящих имя анархизма.

За отсутствием под руками анархических газет того времени, я воспроизведу эту печальную историю по „Голосу Трудового Крестьянства“.

В №92, от 3-го апреля 1918 г., мы находим в этой газете следующее сообщение.

„Реквизиция или спекуляция.

„В Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контр-революцией и спекуляцией поступили сведения, что 26 марта по orderу группой анархистов-коммунистов во главе с Горбовым и Григорьевым, реквизировано, с целью уничтожения, на складе транспортного об-ва „Кавказ и Меркурий“ 359 посылок с опиумом, но что на самом деле опиум этот не уничтожен, а продан спекулянтам.

„Сделка была совершена, якобы, в гост. „Метрополь“, и деньги получил известный Мамонт-Дальский. Чрезвычайной комиссией был произведен обыск в Метрополе и в комнатах 550 и 460, занятых 1 Петроградским отрядом для борьбы с контр-революцией партизанским отрядом анархистов-коммунистов, найден был целый склад не зарегистрированного оружия и бомб. Найдены бланки и печати Российской Федерации Анархистов-Коммунистов.

„Горбов показал, что опиум был действительно реквизирован и сожжен, но где сожжен и когда, он отказался показать. Дальнейшими расследованиями установлено, что 200 посылок опиума, весом по 10 фунтов каждая, проданы были некоему спекулянту Муринскому при посредстве комиссионера Маркевича за 100.000 рублей и деньги от Маркевича получил Мамонт-Дальский. Маркевич и Муринский были задержаны и подтвердили это, а на складе у Муринского найдены и опиум в количестве 200 посылок, опознанный администрацией „Кавказа и Меркурий“. Остальной опиум, по некоторым данным уже отправлен в Петроград.

„Петроградская федерация анархистов-коммунистов предположила, якобы, на деньги, вырученные от продажи опиума и издать орган для борьбы с контр-революцией и спекуляцией и для этой цели была на-

*) Приводить список считаю излишним.

**) Вот эта форма:

„Сим удостоверяется, что товарищ (такой-то) командирован Испол. Ком. Крестьянской Секции в Рязанскую губ. для борьбы с контр-революцией под командой члена В. Ц. И. К. тов. Горбова.

Председатель *М. Спиридонова.*

Секретарь *Майоров*“.

мечена реквизиция особняка на Софийке за №14. „Следствие выяснило, что для реквизиции оппума была подделана печать и подписи солдатской секции при Московском совете. Горбов, состоявший членом В. Ц. И. К. по мандату от горнорабочих села Черемхова, Иркутской губ., арестован и продолжается дальнейшее расследование этого дела“.

Между прочим, все эти художества проделывались этими „анархистами“, как раз в то время, когда боль-

шевики открыто вели в своей прессе агитацию против анархистов, подготавливая психологию населения Москвы к предстоящему погрому. Анархические газеты „Анархия“ и „Голос Труда“ были возмущены этой проделкой и последняя в №69, если не ошибаюсь, отозвалась на это событие и на большевистскую клевету очень резкой статьей Рошина: „Рабы пулемета и торговцы оппумом“.

Однако вернемся к изложению позиции анархистов-синдикалистов.

Г. Максимов.

ПАМЯТИ В. Н. ЧЕРКЕЗОВА

Еще один из старых деятелей русского и международного анархического движения сошел со сцены: 18 августа умер в Лондоне Варлаам Николаевич Черкезов. Десятки лет прожил он в изгнании, за-границей, до русской революции, и теперь, после нее, ему опять таки пришлось доживать последние годы и умереть в чуждой ему Англии... Долгая жизнь Черкезова, посвященная работе во имя самых лучших идеалов человечества, может служить примером для более молодых поколений; в следующем номере «Голоса Труженика» мы расскажем о ней более подробно, теперь же хотим только посвятить несколько слов его памяти. Черкезов вошел в революционное движение в 1866 году; он принадлежал, следовательно, к тому поколению русских социалистов-народников, которые первые поняли долг интеллигенции перед народом и все силы отдали на освобождение народа от гнета экономического, политического и духовного. Черты этого поколения сохранились в Черкезове на всю жизнь: полная преданность своей идее, нравственная и политическая разборчивость в средствах, отсутствие всяких личных мотивов, широкое умственное развитие. Это поколение выдвинуло ряд выдающихся деятелей и высоко-талантливых людей; но, пожалуй, еще замечательнее то, что все — выдающиеся и не выдающиеся, — если только

они уцелели и остались в движении в последующие годы, стали среди молодого поколения руководителями. И не столько по возрасту, сколько по тому, что их умственный и нравственный уровень, действительно, был гораздо выше.

Черкезова знала и любила вся заграничная анархическая эмиграция в до-революционное время. Его брошюры, статьи, лекции много сделали для нашей пропаганды, особенно вначале, когда, после долгого перерыва, пришлось снова создавать русское анархическое движение. Знали и любили его и иностранные наши товарищи, особенно во Франции и в Англии; для них его имя всегда было связано с именем его большого друга П. А. Кропоткина. В последние годы Черкезов (грузин по происхождению) особенно много занимался грузинскими делами; в Грузии он прожил все время русской революции, до самого завоевания Грузии большевистскими войсками; это завоевание было для него большою трагедией. Его земляки теряют в нем большую культурную силу и верного общественного руководителя. Наше же русское революционное движение теряет в нем старого, испытанного, преданного друга.

Пусть память о нем живет в наших сердцах и пусть в новом поколении будет больше Черкезовых!

М. Корн.

Хроника международного рабочего движения по поводу марсельского съезда социалистического интернационала

Многим известно, что уже до последней европейской войны социалистический интернационал имел, почти в каждой стране, свои секции с довольно значительным количеством членов, большую прессу, издательства и т. д. Этот интернационал имел торжественные съезды, на которых говорились длиннейшие речи о рабочей доле, о социализме, против войны и т. д. и т. п. Словом, было все, как полагается у «порядочных людей»: дискуссии, резолюции, протесты и приветствия. А какие речи, то величавые, то сладкие, произносились на этих съездах «представителями» рабочих: адвокатами, депутатами, кандидатами в депутаты, партийными бюрократами, полуминистрами, чуть-чуть не министрами и прочей «министериабельной» публикой! Но вот наступила война и социалистический интернационал рассыпался, как картонный домик. Громадное большинство немецких, французских, бельгийских и русских социалистов вдруг почувствовали себя «хорошими» немцами, французами и т. д. Для всех (почти) этих «интернационалистов» отечество оказалось в опасности. Вожди завопили о сотрудничестве клас. единой нации, о необходимости победы над врагом, призывали в армию, рьяно пропагандировали «займы победы» и поддерживали всячески, не на страх (и это было!), а на совесть, кровавую политику Клемансо, Вильгельма II-го, Николая Романова и прочих представителей мирового империализма. А массы, рабочие массы социалистического интернационала, погибали на полях Шампани и Галиции, под Верденом и под Изонцо; со шотландским равнодушием шли они на убой и — убивали, или тратили последние соки в тылу на усиление производства пушек, гранат, ядовитых газов и аэропланов*). И, как вспомнишь, не знаешь чему больше удивляться: измене ли «вождей», бросивших все свои силы и, подчас, крупные таланты на отравление народных масс ядовитыми газами сверх-патриотизма и человеконенавистнического, иезуитски подправленного социалистическими фразами шовинизма или тупости и покорности трудящихся масс, которые так легко мирились с своей участью пушечного мяса во славу и в пользу генералов и банкиров? Профессор Роберт Михельс (сочувственно относя-

щийся к социал-демократии) говорит в своей книге «Zur Soziologie des Parteiwesens» (стр. 195-196): «Социал-демократы Германии не устали говорить о том, что первые военные успехи немецкой армии необходимо приписать социал-демократической дисциплине и порядку. Ее (социал-демократии) вмешательство в государственную жизнь равняется часто работе жандармерии». Впрочем, целые томы пришлось бы писать о законе и королевски-послушной, чрезвычайно губительной для жизненных интересов рабочих масс — политике немецкой (и не только немецкой!) социал-демократии во время войны и после нее. Ведь стоит лишь ознакомиться с протоколами Магдебургского процесса, где давали свои, до-цинизма откровенные, показания Шейдеман и Эберт, виднейшие вожди и руководители немецкой социал-демократии, чтобы лишний раз убедиться в том, до каких глубин измены рабочему делу может дойти государственно-мыслящая, социалистическая партия, которая, без сомнения, является самой крепкой, организованной и богатой (людским материалом, прессой и деньгами) в мире...

***

После многих торгов и переторжек, после затяжной дипломатической игры, уже долго после того, как промышленники и банкиры всех стран успели помириться и приступить к «работе» в интернациональном масштабе, к эксплуатации обесцененных масс и к подготовке новых кризисов и войн — социалистические партии собрались в Гамбурге (май 1923-го года) и создали новый социалистический интернационал. Сейчас (август 1925 г.) в Марселе происходил с большой торжественностью съезд этого интернационала, на котором представлены «сливки» социалистических партий всего мира. И, в самом деле, какой силой веет от этого съезда: на нем представлены сорок четыре партии, имеющие в своих рядах шесть с половиной миллионов членов. За эти партии голосовало (во время парламентских выборов) до 25-ти миллионов человек. Эти партии имеют (в различных странах) тысячу двадцать два депутата в парламентах (шутка-ли?), больше 312-ти ежедневных газет, многие сотни журналов, сборников и т. д. Количественно этот интернационал представляет собой серьезную и даже грозную силу.

А между тем... между тем никогда еще положение трудящихся масс Европы не

*) Редакция не соглашается с автором в оценке настроения масс во время войны. Массы далеко не были «шотски равнодушными».

было так безотраднo, как сейчас. Безработица все усиливается, эксплуатация становится все беззастенчивей. Мировой капитализм все откровеннее и бесстыднее проявляет свою бесчеловечную и кровожадную физиономию. Ежедневно летит кровь китайских пролетариев и национал-революционеров во славу английского и японского капитализмов. Из-за грабительских интересов американско-французских капиталистов уже месяцами летит кровь на полях Марокко. И — нужно прямо сказать — известную часть вины за нынешний европейский «порядок», за эру Гинденбурга в Германии, за политику Пэнлеве во Франции — словом, за стабилизацию реакции, эксплуатацию и безработицы во всем мире несет социалистический интернационал, виднейшие члены которого (Гильфердинг и Блюм) с каким-то особенным шиком, бия себя в грудь, с трибуны марсельского съезда заявили, что они «хорошие немцы и французы».

Стоит ли говорить о другой секции этого интернационала — о венгерской социал-демократии, виднейшие вожди которой повели всю партию на гнусную (не находим другого слова) сделку с палачем венгерских крестьян и рабочих — с Хорги? Обойдем молчанием «оппозицию его величества» кровавого профессора Цанкова — болгарскую социал-демократию. Не будем жестоки. Не станем перечислять всех грехов и преступлений правительства социалиста Мак-Дональда. Не будем разбирать сейчас всей националистической, анти-рабочей и анти-социалистической политики и тактики немецкой социал-демократии в после-военные годы. Зачем? Ведь и так каждому вдумчивому рабочему должно быть ясно, что социалистический интернационал «хоть в новой коже», а «сердце» у него «все то же», — сердце мелких буржуа, в лучшем случае, мечтающих о том, чтобы «тихим шагом, мелким зигзагом» добиться какой-нибудь реформочки, уступочки и передышечки. Меньше чем когда-либо этот, с позволения сказать, социалистический интернационал ведет подлинно-социалистическую и истинно-интернациональную политику. Это — факт неоспоримый и точно установленный.

* * *

Мы не сомневаемся в личной и политической чистоте некоторых видных участников социалистического интернационала. Мы знаем, многие из них всю свою жизнь и все свои недюжинные таланты посвятили делу освобождения человеческого (так, как они его понимают). Но — «сказав а, нужно сказать и б». Раз, по их мнению, рабочему классу необходимо создать партию (с со-

циалистической, революционной или даже максималистской программой) для захвата (мирного или революционного) политической власти — то все их последующие ошибки, грехи и преступления отсюда неизбежно, логически и естественно вытекают. Партия это уже — путь к парламентаризму, к «умному лавированию», к политике уступочек, компромиссов и сделок в пользу партии, для усиления ее, для благоденствия ее, но во вред делу рабочего класса, во вред единственной достойной его цели: освобождения от уз наемного труда и государства. Благодаря всему своему характеру, партия невольно и незаметно (для массы и, часто, для вождей) застывает, стабилизируется и укрепляется (внешне) и вскоре делится на две далеко неравномерные части: на громадную пассивную массу рядовых, платящих членские взносы и, время от времени, голосующих и на небольшую кучку вождей и руководителей, делающих политику партии и владеющих всей полнотой власти в ней, не смотря на всякого рода «демократические» и иные параграфы и статуты. Из средства, из орудия революционной партии обращается в самоцель, в нечто самодовлеющее, священное и, как папа римский, непогрешимое. Во славу этой партии, для сохранения, укрепления и величия ее аппарата, (т. е. «аппаратчиков» — центрального комитета и кандидатов в цека), приносятся в жертву повседневные и живые интересы рабочего класса, интересы революции и социализма. Стоит лишь присмотреться к двум крупнейшим и наилучше-организованным социалистическим партиям Европы, к российской коммунистической партии и к немецкой социал-демократической партии для того, чтобы воочию убедиться, как, по мере «роста» партии, улетучивается из нее социалистический дух, как все глубже и непроходимей становится в ней пропасть между «вождями» и «водимыми», как она, (несмотря на присутствие в ней большого количества рабочих), постоянно проникается мешанским, «народным» и патристическим душком явной контр-революции. Таков путь партий, всех социалистических партий, как бы не были субъективно честны их вожди и как бы не были революционны их программы.

Сколько морей слез и крови нужно будет еще заплатить трудящимся городов и деревень, пока они поймут, что их дело, дело их экономического и политического освобождения, может быть ими осуществлено лишь усилиями их производственных революционных рабочих организаций. Неужели мы совсем напрасно пережили непередаваемые ужасы и страдания послед-

них десяти лет? Неужели чаша несчастий и унижений нами еще не выпита до дна?

Пусть громче и настойчивей раздастся наш боевой клич: рабочие всех стран, стройте свои мощные производственные революционные организации! Сомкните свои ряды вокруг подлинно-рабочего интернационала, вокруг Международного Товарищества Рабочих!

М. Мрачный.

ИТАЛИЯ.

Конференция Синдикалистского Союза Италии.

В Генуе имела место (28-го и 29-го июня с. г.) конференция „Унионе Синдикале Италиано“, на которой присутствовали делегаты большинства организаций, примыкающих к У. С. И. Те организации, которые, вследствие террора фашистов, не были в состоянии иметь своих делегатов, прислали письменные отчеты и предложения. Были получены приветствия от арестованных и эмигрировавших товарищей. В работах конференции должен был принимать участие и делегат Международного Товарищества Рабочих, но он не мог прибыть в Италию вследствие паспортных затруднений.

Конференция принялась за работу, не теряя времени на обычные в таких случаях церемонии. Раньше всего были отправлены телеграммы приветствия арестованным товарищам и тем, кто вынужден жить в эмиграции, спасаясь от жестокостей фашизма. Борющимся пролетариям Китая и Международному Товариществу Рабочих также были отправлены братские приветствия.

Были заслушаны доклады с мест. Выяснилось, что кризис революционного движения Италии все еще продолжается. Принимаются все меры к тому, чтобы, вопреки всему, сохранить движение. Меры эти оказываются действительными.

С большой живостью обсуждался вопрос об оживлении индустриального движения (о работе синдикалистских союзов). Административной комиссией Унионе Синдикале Италиано была предложена резолюция по финансовому вопросу, которая и была принята конференцией.

По вопросу печати конференция признала ценность заграничных изданий (на итальянском языке) для работы среди эмигрировавших итальянских рабочих. Вместе с тем было выражено единодушное пожелание, чтобы были приложены все усилия для того, чтобы в самой Италии появился периодический орган, необходимость в котором для революционного рабочего движения сейчас, больше чем когда либо, ощущается.

Следующее заседание конференции было посвящено внимательному и страстному обсуждению вопроса синдикального объединения („единый фронт“). Часть делега-

ции считала абсолютно невозможным вести переговоры со Всеобщей Конфедерацией Труда (реформистской) об объединении, ибо эта последняя стоит на точке зрения сотрудничества классов. Некоторая часть делегатов, которая ничего в принципе не имела бы против объединения со Всеобщей Конфед. Труда, все же считает, что в данный момент кризиса и неопределенности в рабочем движении, от этой мысли нужно воздержаться. Вместе с тем эта часть делегатов выразила пожелание, чтоб к моменту, когда рабочее движение окрепнет и станет прочно на ноги, вопрос „единого фронта“ был снова обсужден. Выражая мнения и настроения делегировавших их рабочих, некоторые товарищи заявили, что их местные организации против всякого слияния и они предпочитают остаться автономными.

После этих прений была принята резолюция, что Унионе Синдикале Италиано высказывается за единый рабочий фронт (объединение рабочих организаций) тогда, когда экономические и политические условия сделают возможным борьбу за цели рабочего класса, т. е. за его освобождение. Вместе с тем подчеркивается, что Всеобщая Конфедерация Труда Италии стремится к объединению лишь для того, чтобы всосать в себя рабочие организации и продолжать политику сотрудничества с хозяйскими союзами и с буржуазно-демократическим правительством.

Затем был широко обсужден вопрос о кампании за освобождение политических заключенных. Было установлено, что инициатива синдикалистского союза в пользу заключенных частично увенчалась успехом, но что Всеобщая Конфедерация Труда отказалась, из оппортунистических соображений, поддержать эту кампанию. В резолюции, принятой по этому вопросу, предлагалось Административной Комиссии продолжать вести работу в пользу политических заключенных в том же направлении и призывать рабочие массы на помощь их страждущим братьям. Была особо подчеркнута работа Унионе Синдикале Италиано в пользу семейств заключенных.

Алибрандо Жиованетти.

(Из Бюллетеня М. Т. Р.)

ПОРТУГАЛИЯ.

Четвертый съезд Всеобщего Рабочего Союза.

(Направление М. Т. Р.)

Целый ряд весьма важных вопросов должен быть обсужден на конгрессе революционных синдикалистов Португалии, который имел место в Сантарем (23—26 сентября с. г.). Наши португальские товарищи проявили широкую активность в подготовке этого съезда, в порядке для которого имеются, между прочим, следующие вопросы: 1. О рабочем дне. 2. Органическое создание бирж труда. 3. Условия женского и детского труда. 4. О фаб-

ричной гигиене. 5. Об эмиграции за границу. 6. Условия труда и заработная плата в колониях. 7. Пропагандистская и агитационная работа.

Были заранее выбраны специальные комиссии, на обязанности которых лежала тщательная разработка вышеуказанных вопросов, что дало возможность вполне их осветить на конгрессе. Результаты работ этих комиссий опубликованы на страницах ежедневной газеты революционных синдикалистов Португалии „А Баталия“ (Борьба“).

ГОЛЛАНДИЯ И НЕФТЯНАЯ ПОЛИТИКА.

(Почувствительная история для пролетариата)

Рассматривая карту Европы, мы видим, что Голландия на ней изображена в виде очень маленького кусочка. Ее поверхность равняется 33,000 кв. килом., тогда как поверхность Европы равна 10,066,000 кв. килом. Голландия имеет 7 миллионов населения, а Европа 449 миллионов. Тем не менее она, благодаря своим колониям, не без влияния в международной политике наших дней. Ее колонии в 65 раз больше ее самой, они обширнее чем Голландия, Бельгия, Франция, Англия с Ирландией, Германия, Испания, Швейцария и Дания взятые вместе. Восточная Индия имеет 50 миллионов населения. После Великобритании Голландия является самой большой колониальной державой в Азии, а по числу жителей она является третьей колониальной державой в мире.

Но что еще важнее так это то, что голландские колонии весьма богаты. Они дают такие продукты как кофе, чай, табак, сахар, каучук, рис и... нефть!

В 1920 г. некоторые торговые общества выплатили от 200 до 300 % дивиденда. С 1913 по 1920 гг. доходы только 24 сахарных плантаций острова Явы поднялись с 18 миллионов до 166 миллионов голландских флоринов (7—66 мил. долл.). В 1919 г. ценность вывоза равнялась 2,200 мил. флоринов, а ввоза 700 мил. флоринов. Таким образом, население голландской Индии произвело на 1,500 мил. флоринов больше, чем потребило. Каждому понятно, что владение этими колониями представляет для голландских капиталистов огромный интерес.

Боясь потерять эти колонии, голландские империалисты ведут усиленную пропаганду за постройку большого военного флота, в целях их защиты от соседей и от ожидаемой революции индусского народа.

Еще задолго до великой войны в Голландии появились памфлеты и газеты, ратовавшие за военный флот, тогда же для ведения пропаганды была основана специальная „Морская Лига“.

Эта пропаганда не имела большого успеха в народе, а тем более в рабочей среде. Несмотря на это, правда, спустя несколько лет, внесло законопроект о флоте, но этот проект встретил такую оппозицию, что правительство сочло за благо отложить его на неопределенное время. В ноябре 1922 г. правительство создало флотскую комиссию, которая должна была решить два вопроса: 1) есть ли необходимость в постройке флота? 2) если да, то когда удобнее приступить к этому? Членами этой комиссии были дипломаты, морские офицеры, голландский делегат в Лиге Наций и некоторые специалисты по колониальным и финансовым делам. В апреле 1923 года комиссия выполнила свои задания.

Прежде всего комиссия пришла к заключению, что голландское правительство должно считать *с возможным войной!* „Развитие международных отношений после мира, которым закончена великая война, не говорит за то, что время войн прошло“. Это буквально то, что сказала комиссия; к этому она добавляет еще следующее:

„Лига Наций, на которую мы возлагаем надежды, — она не основана на идее всеобщего разоружения — не может дать достаточной гарантии сохранения мира на долгие годы“.

Далее комиссия говорит, что „Вашингтонский договор, лишь отсрочил на неопределенное время конфликт в Тихом океане“.

Она говорит, что сохранение нейтралитета есть интернациональная обязанность. „Наши могущественные соседи, говорится дальше, имеют право на то, чтобы мы построили флот“. Она повторяет: „Правительство имеет такую же обязанность во все, какую и по отношению к индусскому населению: обеспечить безопасность в архипелаге... И законопроект о флоте даст материал, необходимый „для сохранения порядка““.

Члены комиссии пришли к единственному заключению, что постройка флота абсолютно необходима. Их мнение разделилось только во втором вопросе.

Большинство комиссии стояло за немедленную постройку флота, меньшинство же за то, чтобы отложить до урегулирования баланса государственного бюджета.

Для понимания этих различий во мнениях необходимо знать кое-что о финансовом положении Голландии и ее колоний.

В продолжении великой войны голландские капиталисты извлекали огромные барыши. Золотой запас голландского банка (нидерландский банк), с июля 1914 по апрель 1924 г., поднялся на 346 процентов и, несмотря на это, с итас же после войны, он был гораздо выше, чем теперь. Это показывает какие большие барыши извлекали голландские капиталисты из войны. Они сделали это не только благодаря экспорту по высоким ценам, но также и благодаря повышению цен на с/естные припасы до баснословной высоты, что было возможно при большом недостатке даже в этой нейтральной стране. В соответствии с этим, правительство — сохранения порядка и спокойствия — было вынуждено продавать с/естные припасы дешевле, чем они продавались на свободном рынке; оно было вынуждено затратить сотни миллионов на закупку с/естных припасов для продажи народу за доступные ему цены.

Капиталисты-спекулянты так высоко взвинтили цены, что рабочий люд не был в состоянии оплатить даже свой обычный кусок хлеба.

По этой самой причине правительство было вынуждено одолжить, у тех же самих спекулянтов, большие суммы денег за высокие проценты, а, в действительности, бедный человек, благодаря этому займу, попал в руки ростовщиков и спекулянтов; как плательщик налогов он одалживал у спекулянтов посредством государства, которое было достаточно крепко и сильно, чтобы после войны принудить его к платежу в форме налогов. Ясно, что государство, поступая таким образом, в действительности помогало не бедным, а богатым. Кроме этого, голландское правительство в продолжении всей войны держало под ружьем армию, что стоило сотни миллионов. Поэтому нет ничего удивительного, что государственные долги, даже в нейтральной стране, как Голландия, возросли с 1,150 миллионном флоринов в 1914 г. до 3,100 миллионов в 1919 г. Сверх того, возросли и проценты по займам, с 4 до 6, и бюджет Голландии, этой купеческой страны, после войны имел дефицит свыше 180 миллионов гульденов в год.

В богатых колониях, в которых капиталисты ежегодно имели доход в 1,500 миллионов, долги возросли с 93 миллионов в 1911 г. до 1,186 миллионов в 1923 г.!

Меньшинство флотской комиссии, тем не менее, сочло необходимым прежде привести к равновесию баланс бюджета, а затем уже приступить к постройке флота. Правительство было такого же мнения, как большинство ко-

миссии и внесло новый законопроект о флоте, но министр финансов Де-Геер придерживался мнения меньшинства. Поэтому он считал невозможным нести ответственность за постройку флота и был вынужден подать в отставку. Его заместителем был Колян.

Альберт Де-Понт.

(Окончание следует).

ЯПОНИЯ.

В коммунистической и реформистской печати было опубликовано в последнее время несколько отчетов о росте рабочего движения Японии, которые — благодаря своей противоречивости — нам показали незаслуживающими доверия. Японские товарищи, к которым мы обратились за справками, нам пишут:

В настоящее время в Японии имеются следующие рабочие организации:

Название.	Направление.	чис. членов.
Профсоюз механиков	(реформисты)	4.000
Федерация профсоюзов печатного дела	(анархо-синдикалисты)	3.000
Проф союз Шибaura	" "	2.000
Восточный профсоюз	(автономны)	700
Федерация индустриальных рабочих	"	1.200
Профсоюз городских железнодорожников	"	10.000
Профсоюз рабочих городских электр. фабрик	"	1.000
Профсоюз коммунальных рабочих	(Свободническое направление)	500
		1.000

Всеобщий рабочий союз Японии (Содомен) (реформисты)
 Профсоюз портовых рабочих "
 Профсоюз рабочих корей-цев г. Токио (Свободническое направление)

Последние три организации не опубликовали количества их членов. В некоторых заграничных газетах было указано, что Всеобщий Рабочий Союз Японии имеет 250.000 членов. Это число существует лишь в фантазии этих заграничных газет или реформистских хвастунов Японии. Мы будем гораздо ближе к истине, если оценим количество членов этой реформистской рабочей организации в 20.000.

Ныне происходят во Всеобщем Рабочем Союзе сильные раздоры между коммунистами и социал-демократами и борьба за руководство. Раздоры эти настолько сильны, что они могут привести к расколу или даже к распаду союза.

Ямага, Токио.

Жизнь организации И. Р. М.

Депортация 127 членов И. Р. М. из города Фарго, Норд Дакота.

В прошлом (сентябрьском) номере «Голоса Труженника» мы сообщали об арестах и заключении в тюрьму членов сельскохозяйственного союза № 110, И. Р. М. В связи с этими арестами торговцы и власти города Фарго, еще раз совершили довольно таки позорный акт по отношению к организованному в революционный союз рабочим. Когда число арестованных рабочих достигло больше ста человек, фарговская тюрьма была не в состоянии вместить их. Власти же, несмотря на то, что никакого преступления за арестованными не числилось, не хотели освободить их, а тем временем городу нужно было нести лишние расходы на содержание пленников. Создалось такое положение дел: освободить арестованных — значит признать свое поражение. Шериф и судьи города никак не могли этого допустить. Содержать же в тюрьме без вины виноватых — неудобно и дорого, это бьет по карману. Где же вы-

ход? Над этим вопросом власти не задумались — они решили его скоро и просто — депортировать заключенных за пределы штата!

И вот, 24 августа, при посредстве шерифа и полиции, была сформирована банда, так называемых, лойальных граждан, которая вооружилась чем попало, главным образом дубинками. Ей предстояло выполнить «гражданский долг» и она пошла на это, пожалуй, с чувством гордости, не создавая какое, в действительности, мерзкое дело она делала.

Когда приготовления к депортации были закончены, судья Лий Монсон, по предложению помощника штатного прокурора г-на В. Ловелла, снял с заключенных обвинение в бродяжничестве и они были переданы в руки банды хулиганов, прикрывающей именем закона и порядка.

Город Фарго стоит на реке, отделяющей штат Норт Дакоту от штата Миннесота, на стороне которого расположен городок Мургэд. Оба города соединены мостами.

По этим мостам и было решено сделать «переправу».

Члены организованной властями шайки, по приказу шерифа, собрались у здания тюрьмы и, при тусклом свете, начали выводить из подвала свои жертвы. Арестованных разделили на партии. Первую из них (43 чел.) выстроили в шеренгу, пригрозили и, окружив кольцом, повели по направлению к мосту, где под команду: «Бегите!» отпустили их. Таким же образом были депортированы и остальные.

При этом не обошлось без издевательств и побоев. С одобрения и поощрения полиции, десять из товарищей были серьезно избиты хулиганами.

Итак, «правосудие» и «закон» капиталистических судей восторжествовали! Организованные рабочие изгнаны, их помещение закрыто, по крайней мере, в городе Фарго, штата Норт Дакота, знатные жители которого не без гордости выставляют на показ свою конституцию с гарантиями всякой-всячины, в том числе и свободы!

После этой процедуры, все дороги из Мургэз в Фарго охранялись вооруженными стражниками. Однако все это не прекратило организационной работы И. Р. М. в данной местности. Собрания членов союза сельскохозяйственных рабочих, после депортации 125, происходили где попало и привлекали новых членов, а в настоящее время и закрытое помещение снова открыто. Многие из членов И. Р. М. уже не первый раз подверглись такому нападению. Это недавнее нападение является еще одним эпизодом из долгой и упорной борьбы за свободу, еще одним фактом, подтверждающим то, что рабочим нужно организовать и что победы бывают только после борьбы.

* * *

Набег на помещение моряком в Юстон, Техас.

Полицией города Юстон, штат Техас, был произведен набег на помещение отдела моряков, членов индустриального союза № 510. Во время набега был арестован секретарь отдела, которого тот-час же судили и наказали штрафом в 50 долларов. Его обвиняли в бродяжничестве несмотря на тот факт, что он получал плату от отдела. Полиция, делая набег, имела в виду разбить работу отдела моряков. Такие попытки мели место и раньше. Приятно отметить, что эти попытки кончаются неудачами. Работа моряков в области организации и пропаганды И. Р. М. продолжается. И будет продолжаться!

Освобожден и снова арестован.

Калифорнийский отдел Комитета Защиты И. Р. М., сообщает, что Ричард Форд, отбывший 11 лет тюремного заключения в одной из тюрем штата Калифорния, был выпущен на свободу 2-го октября с. г. Однако, ему не дали возможности даже оглянуться: как только он вышел из тюрьмы, его тотчас снова арестовали и предъявили новое обвинение.

Р. Форд впервые был арестован в 1913 году и по подложному делу, якобы за убийство шерифа и уездного прокурора во время забастовки рабочих на плантации хмеля; он был осужден на пожизненное заключение в тюрьму. Вместе с Р. Фордом судили Г. Шура и двух других. Оба последние были оправданы судом, а Форд и Шур осуждены. Шур по сие время находится в тюрьме, так как не желает выходить из нее условно, а требует безусловного освобождения. Комитет Защиты ведет работу в этом направлении.

Против Форда на этот раз выдвинуто обвинение в убийстве шерифа Рирдона, произошедшем во время забастовки 2.300 рабочих хмелевой плантации, положение которых было крайне плачевно. Как первое обвинение, так и второе являются вымышленными, подложными. Это доказано фактами. А Форда и Шура держат в заключении лишь потому, что оба они принимали активное участие в забастовке и уговаривали рабочих, чтобы они твердо стояли на своих требованиях. Кроме того, не малую роль в осуждении этих товарищей играет и тот факт, что они члены организации Индустриальных Рабочих Мира.

Капиталистический класс продолжает вести террор против рабочих. Чем же эти последние могут ответить? На наш взгляд они должны организоваться и поставить силу против силы. В данном случае все рабочие должны стать на защиту пленников классовой борьбы и сделать все возможное с их стороны.

* * *

Светлые пятна на темном горизонте.

Переживая кризис революционного рабочего движения и в то же время отражая постоянные атаки капитализма, мы с радостью встречаем вести о том, что работа организации И. Р. М. теперь, как это бывало и раньше, во многих местах продолжается успешно. Особенно отрядные вести приходят в данное время из западных провинций Канады, где союз сельскохозяйственных рабочих широко развернул свою деятельность. В провинциях Альберта, Манитоба и Саскачеван, в течение сезона уборки полей и молотбы, большинство

рабочих организованы и поэтому живут и работают в лучших условиях и получают высшую плату за свой труд. На первый взгляд это может показаться ничтожным завоеванием, но для тех, кто знаком с положением дел на полевых работах, сокращение часов работы до 10-ти и в то же время высшая плата значат очень многое. Кроме того, это завоевание, несомненно, послужит побуждением к ведению дальнейшей борьбы и в других местах, там, где рабочему приходится трудиться в пыли и грязи фабричных зданий и где условия труда не соответствуют требованиям даже самых отсталых элементов из рабочих.

Индустриальные Рабочие Мира с самого начала своего существования и по сей день только и действуют в том направлении, чтобы пробудить в угнетенном классе сознание достоинства и той важности, которую в самом деле он представляет. Эта деятельность нарушалась множеством раз, обрывалась и парализовалась, но ни на минуту не прекращалась. Она не могла прекратиться, так как она явление жизненное и подобно своему источнику всегда идет вперед и вперед к цели, которая рано или поздно будет достигнута. Эта цель — уни-

чтожение капитализма со всеми его институтами и устоями.

В этом году И. Р. М. ведут усиленную пропагандистскую и организационную работу. Многие из наших товарищей-рабочих, которые до сего времени имели очень смутное понятие об И. Р. М., узнали к чему стремится организация и какова ее задача. Здесь не приходится об этом особенно распространяться. Мы хотим подчеркнуть лишь то, что в октябре месяце будут иметь место несколько действительно рабочих конференций различных индустриальных союзов: сельскохозяйственных рабочих, рабочих леса, строительных рабочих и несколько из департаментных союзов.

На наш взгляд это важное явление в рабочем движении Америки, так как на подобных конференциях звучат голоса только самих тружеников без примеси слащавых, но пустых и неискренних речей политиканов, от влияния которых давно следовало бы избавиться рабочему классу. Именно, такие явления и есть светлые пятна на омраченном разными обманами и несправедливостью капиталистическом горизонте.

РОССИЯ

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Солонович, А. А. (он), арестованный в апреле и Хардин, арестованный в мае, осуждены на три года заключения в концентрационный лагерь, отбывают наказание в Сыздале. Худой на тот же срок сослан в Среднюю Азию.

***

Баженов, сосланный в апреле сего года в Усть-Сысольск, переведен в Ижму.

Массовые аресты.

По всей провинции за истекшие два месяца прошла волна арестов среди анархистов.

Аресты произошли в Минске, Орше, Питере и др. городах.

Расстрел 11-ти С.-Р.-Максималистов.

В числе расстрелянных находится товарищ Данилин и Тарасов.

Арест старшего Гордина и ликвидация фирмы „Бр. Простоквашинковых“.

Л. Гордин, как известно, в апреле этого года бежал в Китай. Некоторое время спустя старший Гордин был задержан на границе и возвращен в Москву.

В виду безрезультатности всех попыток получить разрешение на выезд за границу, он прибег к весьма оригинальному способу борьбы: он объявил голодовку, находясь на свободе, и уведомил об этом всех своих знакомых.

Через несколько дней он был арестован. Несколько его сторонников явилось к Катаняну — прокурору по делам Г. П. У. — с требованием его освобождения. Их всех переписали и отпустили с условием, чтобы они больше ничего не предпринимали в пользу Гордина.

Гордин был подвергнут психиатрической экспертизе, которая будто бы установила отсутствие у него сдерживающих центров. Хлопотавших уверяли, что ничего с ним не случится. „Государство не может допустить, чтобы он умер с голоду. Оно не даст ему умереть“.

Так бесславно окончилась эпоха Гординых из магазина и паноптикума (младший Гордин занимал помещение Паноптикума). Их выселили, вывеску сняли и, наконец, одного из них заперли. Кто из иностранцев, посетивших Россию, не слышал имени этих двух братьев? Им предоставили в период „непа“ магазин (бесплатно), т. е. дали субсидию натурой. У старшего не отобрали печатную машину и т. д. Все это делали до тех пор, пока они нужны были для демонстрирования перед иностранцами, что, мол, анархические организации существуют в России. Теперь Мавр сделал свое дело — Мавр может уйти. Не входя в оценку личных мотивов их поведения, можно сказать определенно, что объективно они сыграли предательскую роль, деморализуя и разлагая анархическое движение.

Ликвидация Гординых — очень показательна. Крестьянская деспотия больше не нуждается в Гординых, ей нужны теперь социал-демократы на гординский манер... И таких уже много.

ОТКЛИКИ

ПО ПОВОДУ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРЛОВ «БАТЬКИ» МАХНО.

Уважаемые товарищи, позвольте мне, как участнику 2-го с'езда конфедерации «Набат», высказаться на страницах «Г. Т.» по поводу появившихся в «Рассвете» статей Нестора Махно: «Люди из стана русских анархо-синдикалистов».

Эти статьи подтвердили многое из того, что мне пришлось слышать о махновском движении и о Махно на 2-ом с'езде конфедерации «Набат», происходившей в городе Харькове в 1920 году.

Мне думалось, что Махно, очутившись за границей, в мирной обстановке будет иметь достаточно досуга, чтобы подвести итог прошлому, переоценить ценности, отвыкнуть от привычек, замашек и навыков военной обстановки, а главное, забыть, что он «батько» украинских повстанцев.

К сожалению, судя по его статьям, этого не случилось.

Заграница с ее отличной от русской жизнью, с ее особым укладом и обычаями не повлияла на Махно; тюрьма, которая для огромного большинства революционеров являлась лабораторией, где окончательно складывалось мировоззрение, тоже оказала малое воздействие на него в смысле переоценки старых махновских ценностей.

Из его статей видно, что ему все еще снится, как он вихрем летит на коне или в тачанке по полям и лесам Украины. Кричит, распоряжается, приказывает, рубит с плеча, стреляет и т. д. и т. п. ...

Чего, собственно, Н. Махно волнуется и сердится? Неужели необходимо, если даже он и чувствует за собою правоту, ругаться в печати так, как будто он находится на фронте? Зачем человеку, чувствующему за собою правоту, так грубо нападать на личности? Не подтверждает ли это, что Н. Махно неправ, — Юпитер, ты сердись, значит, ты не прав, — и что он сознательно не желает признаться, что он не прав? Да, именно, так.

В порядке дня 2-го с'езда Конфедерации «Набат» стоял вопрос о махновском движении и Махно. На этом с'езде присутствовало, в качестве делегатов, большое число работников, принимавших активное участие в махновском движении и приехавших на с'езд непосредственно из махновской армии. Один из таких товарищей, а именно, тов. П-ой, который, работая в повстанческой армии, прошел все стадии ее жиз-

ни и борьбы, и который, кстати, чуть было не поплатился жизнью за нежелание молчать и за попытку вмешательства в дела Н. Махно, в обширном докладе яркими красками описал все им пережитое и виденное. Получилась совсем иная картина, чем та, которую каждый из нас имел в своем воображении. Многие товарищи думали, что махновское движение — движение анархическое, где все ведется на товарищеских началах, где отсутствует диктаторство и чиновничество, а оказалось, что там одна личность творит все, что ей вздумается и что человеческая жизнь там зависит от каприза самодержавного властелина и божка. Итак, из доклада тов. П-го, которому не было оснований не доверять, вытекало, что все то, что чуждо анархическому движению, что стоит в прямом противоречии с анархическим идеалом, как власть, единоначалие, преклонение перед личностью, ставшей своего рода богом — хочу, казню — хочу, милую — в сильной степени было развито в махновском движении. Надежд на оздоровление движения не было никаких.

Мне лично не хотелось верить докладу П-го, мне больно было расстаться с многим хорошим, с идеальным образом махновщины. Но, увы! содокладчики П-го, такие же свидетели, как и он, не в менее ярких и красочных докладах подтвердили наблюдения и выводы П-го. Для с'езда было ясно, что Махно с быстротой молнии отдаляется от анархического идеала, а вместе с ним и движение, которое он возглавлял. Хотя и больно было сознавать все это, но иного мнения у с'езда не могло быть и с'езд зафиксировал все это в соответствующей резолюции.

В заключение хочется посоветовать Н. Махно, что, вместо того, чтобы считать себя непогрешимым и воображать, что все, что бы он не делал, находилось в полном согласии с анархизмом, лучше было бы отбросить «батьковские» замашки, дух самодержавности и серьезно подумать над прошлым, над его оценкой и признать свои ошибки, которых было немало; а главное, не прибегать в борьбе со своими идейными противниками к неподобающим для человека, претендующего быть революционером, средствам.

Б. Еленский.

СРЕДИ КНИГ

«Hinter Stracheldraat und Gitter»
von Rudolf Rocker
Verlag Der Syndicalist, F. Kater, Berlin.

«За проволочными заграждениями и
решетками».
Рудольфа Роккера
Издательство «Синдикалист», Берлин.

Книга Р. Роккера, великолепно изданная издательством „Синдикалист“, представляет для нас крупный интерес. На протяжении 420-ти страниц автор остроумно, вдумчиво и мастерски рисует годы, проведенные им в концентрационных лагерях Англии, в качестве военнопленного. Тема как-будто малоинтересная. Но автор находилась многие годы до войны в центре революционного рабочего движения Англии. Бок о бок с П. А. Кропоткиным и Э. Маламиста, он вел плодотворную агитаторскую и пропагандистскую работу среди разноязычных масс лондонского пролетариата. Его духовное влияние, обаяние его цельной, богатой и своеобразной личности распространялись далеко за пределы туманных берегов Темзы. Р. Роккер, и сейчас играющий выдающуюся роль в Международном Товариществе Рабочих в качестве генерального секретаря, никогда не был холодным теоретиком. строящим планы будущего общества в тиши научных кабинетов. Он, раньше и прежде всего, человек живой жизни, любящий ее, принимающий участие в ее схватках, поражениях и радостях. Он, как выражается один из героев Горького, „имеет жадность“ к жизни и — что реже бывает — умеет интересно, захватывающе и живописно ее рассказывать.

Эти качества автора „За проволочными заграждениями и решетками“ особенно ярко проявились в его книге, которую читаешь с неослабевающим вниманием до по-

следней строки. Столько тем волнующе-интересных (о национализме, патриотизме, массовой психологии, тюремных психозах и др.) затронуто в этой книге! И как самобитно, непредвзято и серьезно автор подходит к безобразной кровавой и запутанной драме — к международной войне, под знаком которой мы и по сей день живем.

На ряду с „Записками революционера“ Кропоткина и „Тюремными воспоминаниями“ Александра Беркмана, книга Р. Роккера займет почетное место в мировой социалистической мемуарной литературе.

* * *

„Libera Laboristo“ (официальный орган всемирной лиги антигосударственных эсперантистов), август 1925 года. №1.

Мы не будем здесь вдаваться в рассуждения о том, является ли эсперанто жизнеспособным языком, которым сумеют пользоваться пролетарии разных стран. Но сама мысль: облегчить трудящимся массам разных наций возможность найти общий язык — нам глубоко симпатична. Несомненно, эсперанто и сейчас уже с успехом играет некоторую подсобную роль в деле налаживания интернациональных связей и в деле обмена необходимыми сведениями.

В первом номере эсперант. „Свободного Рабочего“ имеется целый ряд интересных статей: П. Рамюса, Р. Роккера и др.

От души желаем успеха этому полезному начинанию. Товарищам, владеющим эсперанто, советуем ближе ознакомиться с „Либера Лабористо“. Адрес:

Artur Bolle, Tresckowstr. 58,
Berlin N. 58, Germany.

Насенд.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ФОНД «ГОЛОСА ТРУЖЕНИКА».

С. Качула, Чикаго, Илл.	50
Д. Е. Олешко, Канада	1.00
С. Занко, Лос Анжелес, Кал.	5.00
Т. Маер Лос Анжелес, Кал.	1.50
Т. Йорк, Лос Анжелес, Кал.	1.50
Т. Бородовой, Лос Анжелес, Кал.	1.00
Т. Коляго, Лос Анжелес, Кал.	1.00
Д. Мойсюк, Чикаго, Илл.	5.00
Н. Гривов, Чикаго, Илл.	5.00
Г. Шумик, Чикаго, Илл.	5.00
С. Гацукевич, Чикаго, Илл.	5.00
В. Хомич, Чикаго, Илл.	5.00
И. Тарасюк, Детройт, Мич.	5.00
Итого	41.50

ОТЧЕТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
«ГОЛОСА ТРУЖЕНИКА» ЗА АВГУСТ И
СЕНТЯБРЬ 1925 ГОДА.

Приход:

От продажи „Голоса Труженика“	41.18
Подписка	14.30
Пожертвования	41.50
Литература	2.55
Итого	99.53

Расход:

За печатание двух номеров „Голоса Труженика“	112.00
Почтовые расходы	15.00
Разные	3.00
Итого	130.10
Дефицит на 1-ое сентября	30.57
Ревизионная Комиссия.	